

Министерство культуры Республики Беларусь
Государственное учреждение культуры
«Историко-мемориальный музей «Усадьба Немцевичей»

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА. СТОЛЕТИЕ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

**V научно-практическая конференция
Скоки, 15 декабря 2017 г.**

Брест 2018

УДК 94(476) "1914/1918"(06)+355.48(476)"1914/1918"(06)
ББК 63.3(2)535-68-я431

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Башков А.А., кандидат исторических наук, доцент
Савич А.А., кандидат исторических наук, доцент

Великая европейская война. Столетие : сб. материалов V науч.-практ. конф., д. Скоки Брест. р-на, 15 дек 2017 г. Брестский райисполком, ист.-мемориал. музей "Усадьба Немцевичей", Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; под общ. ред. А.Н. Вабищевича. – Брест : Издательство БрГТУ, 2018. – 64 с.

ISBN 978-985-493-442-6

В сборник включены доклады и сообщения, посвящённые различным аспектам истории Первой мировой войны (1914–1918). Авторы статей представили результаты исследований по истории, архивоведению, источниковедению, истории, музееведению, истории культуры, краеведению.

Издание адресуется учёным, преподавателям, учителям, обучающимся, работникам учреждений культуры.

УДК 94(476) "1914/1918"(06)+355.48(476)"1914/1918"(06)
ББК 63.3(2)535-68-я431

ISBN 978-985-493-442-6

© Издательство БрГТУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Гладышчук А. А. СКОКАЎСКИ ДЗЁННИК ПРЫНЦА БАВАРСКАГА	4
Пивоварчик С. А. КРЕПОСТИ КОВНО, БРЕСТ-ЛИТОВСК, ОСОВЕЦ, ГРОДНО В БОЯХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	10
Басов С. В., Качановская Г. М., Пилипович В. Ю. НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – РАЗРУШЕННОЕ И УТРАЧЕННОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	21
Лесин А. А. «МЫ СОЗДАЁМ НОВЫЙ МИР»: ХУДОЖНИКИ-МОДЕРНИСТЫ – УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	25
Лишик В. В. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА УРСЫН НЕМЦЕВИЧЕЙ	29
Воюш Р. В. МЕМОРИАЛЬНЫЕ НАДПИСИ ГЕРМАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ	31
Дементьев В. Р. ТОПОНИМИКА МЕСТ БОЕВ НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ НАРОЧАНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ МАРТА 1916 ГОДА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПОСТАВСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ	34
Гавриленко И. В. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БРЕСТСКИЙ МИР В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ЭКСПОЗИЦИЯХ МЕМОРИАЛА	48
Дубуйко И. И. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	51
Боровикова В. В. ЗНАЧЕНИЕ МЕДИЦИНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГГ.	54
Савіч А. А. ЗАКАНЧЭННЕ ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ І ЎСТАЛЯВАННЕ ПОЛЬСКАЙ УЛАДЫ ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ	56

ГЛАДЫШЧУК А. А.

Праф., к. ф.-м. н. Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта,
г. Брэст, Рэспубліка Беларусь

СКОКАЎСКІ ДЗЁННІК ПРЫНЦА БАВАРСКАГА

Гэты сціплы артыкул прысвячаю памяці майго дзядулі, КАМАРЭВІЧА ЛУКАША ЛУК'Я-НАВІЧА (мал. 1), радавога салдата той Вялікай еўрапейскай вайны, якую ён у складзе расійскага Ізмайлаўскага гвардзейскага палка прайшоў ад пачатку да канца, закончыўшы вайну на лініі канала Агінскага.

Справа з дзённікам прынца Баварскага Леапольда (мал. 2), камандуючага Германскім усходнім фронтам той Вялікай вайны, выплыла нечакана пры падрыхтоўцы манаграфіі “Нямцэвічы. Сапраўдныя гісторыі” [1]. Дагэтуль аб дзённіку прынца Баварскага было малавядома [2], таму што аб ім у айчыннай літаратуры не было звестак. А тое, што прынец Баварскі меў месца пражывання з 1 верасня 1916 года па 10 мая 1918 года ў скокаўскім палацы Нямцэвічаў каля Брэста (мал. 3), было зусім невядомым

фактам. Гэта было звязана з тым, што стаўка камандуючага фронтам з'яўлялася сакрэтным аб'ектам і не згадвалася ў афіцыйных зводках.

Тэма, аб якой пойдзе гаворка, ужо не аднойчы абмяркоўвалася [3, 4], але тэксты дзённіка прынца Баварскага, якія ён пісаў у Скоках, поўнасцю нідзе не надрукаваны, таму знаёмства з імі кожны раз дае новыя дэталі абставін падпісання як Ваеннага перамір'я ў Скоках 15 снежня 1917 года, так і падрыхтоўкі да падпісання Мірнага дагавора.

Некалькі слоў пра самога Леапольда, прынца Баварскага. Ён належаў да каралеўскага баварскага роду Віттэльсбаху, які з канца XII стагоддзя і да канца Першай сусветнай вайны правіў Баварыяй. Гэта яго старэйшы брат Людвік III быў апошнім каралём Баварыі, які, дарэчы, наведваў у Скоках свайго брата 2 лістапада 1916 года (мал. 4). Прынц Леапольд быў жанаты на дачцы аўстра-вянгерскага манарха. Без сумнення, пад час саміх перамоў у Брэст-Літоўску ён быў адной з самых інфармаваных асоб.

Малюнак 1 – Радавы гвардзейскага Ізмайлаўскага палка Камарэвіч Лукаш Лук'янавіч. Санкт-Пецярбург, 1912 год

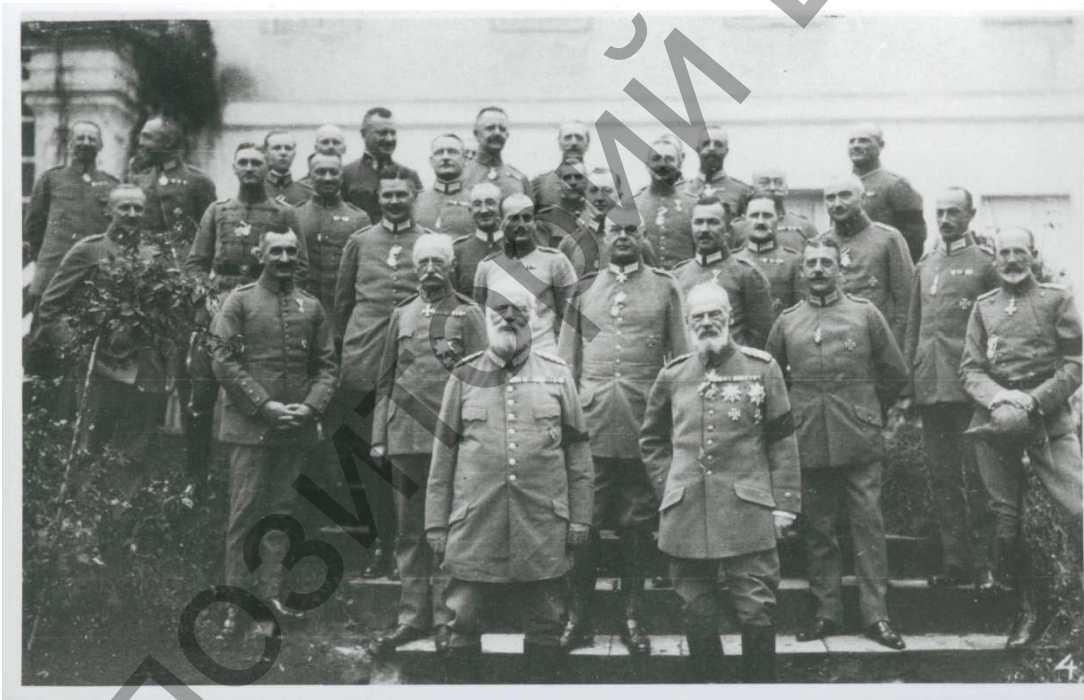
von Aufnahme Rud. Lohmeyer, Oldenburg. Sirell & Co., G. m. b. H., Leipzig-Götzen.

Handwritten signature of Prince Leopold of Bavaria.

Малюнак 2 – Прынц Баварскі Леапольд (1846-1930)

Малюнак 3 – Скокаўскі палац у 1916–1918 гг. (здымак прадаставіў С.В. Басаў)

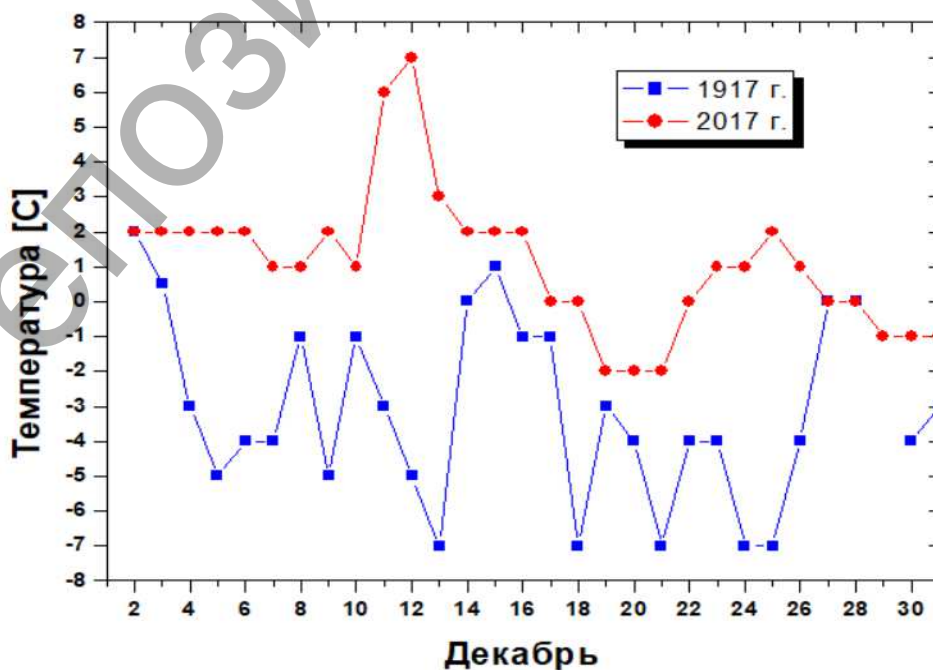
Малюнак 4 – Візіт баварскага караля Людвіка III у Скокі 2 лістапада 1916 года

Прынц Баварскі, убачыўшы першы раз скокаўскі палац у верасні 1916 года, які ён назваў “замачак Шкокі”, заўважыў [5]: *“Замачак Шкокі, трэба прызнаць, з’яўляецца зусім мілым, звычайна, без асаблівых прэтэнзій. Усё ж такі з прычыны зменлівага стану ён занядбаны і забруднены. Вялікі паркавы сад складаецца з цудоўных старых дрэваў; парк, агарод і фруктовы сад былі, як у ва ўсіх мясцовых маёнтках, закладзены цудоўна і практычна”.*

Але адным з яго цудоўных назіранняў з’яўляюцца запісы ў дзённіку аб надвор’і з кароткім каментарыем, якія маюць безумоўна навуковы сэнс, таму што больш іх у той час ніхто не веў.

Паралелі надвор'я ў Скоках і аколіцах у 100-гадовым ракурсе.

снежань 1917 г.	дзённік прынца Баварскага [5]	снежань 2017 г.
2.12. + 2 ⁰ С	без ветра, сям-там выглядае сонца	+ 2 ⁰ С
3.12. + 0,5 ⁰ С	заходні штармавы вецер, пасля поўдня завіруха	+ 2 ⁰ С
4.12. - 3 ⁰ С	усё пакрыта снегам	+ 2 ⁰ С
5.12. - 5 ⁰ С	цудоўны зімовы дзень з хутка паніжаючай т-рай	+ 2 ⁰ С
6.12. - 4 ⁰ С	большай часткай хмурае неба	+ 2 ⁰ С
7.12. - 4 ⁰ С	хмура	+ 1 ⁰ С
8.12. - 1 ⁰ С	выпаў свежы снег, і стала санная дарога	+ 1 ⁰ С
9.12. - 5 ⁰ С	хмура	+ 2 ⁰ С
10.12. - 1 ⁰ С	хмура і зацішша, падае снег	+ 1 ⁰ С
11.12. - 3 ⁰ С	цудоўны зімовы ранак пры марозным усходнім ветры	+ 6 ⁰ С
12.12. - 5 ⁰ С	халодны зімовы дзень без сонца	+ 7 ⁰ С
13.12. - 7 ⁰ С ÷ - 10 ⁰ С	хмура, тэмпература хутка панізілася	+ 3 ⁰ С
14.12. 0 ⁰ С	заходні вецер і снег з дажджом	+ 2 ⁰ С
15.12. + 1 ⁰ С	заходні вецер, снег растае	+ 2 ⁰ С
16.12. - 1 ⁰ С	хмура з частым снегападам	+ 2 ⁰ С
17.12. - 1 ⁰ С	цудоўны сонечны зімовы дзень, вечарам стала марозна	0 ⁰ С
18.12. - 7 ⁰ С	хмура і штыль, потым пацяплела	0 ⁰ С
19.12. - 3 ⁰ С	халодны цудоўны зімовы дзень	- 2 ⁰ С
20.12. - 4 ⁰ С	туманна, слабы паўночна-усходні вецер	- 2 ⁰ С
21.12. - 7 ⁰ С	дзьме моцны ледзяны паўднёва-усходні вецер	- 2 ⁰ С
22.12. - 4 ⁰ С	туманна і хмура	0 ⁰ С
23.12. - 4 ⁰ С	хмура і туманна	+ 1 ⁰ С
24.12. - 7 ⁰ С	туманна	+ 1 ⁰ С
25.12. - 7 ⁰ С	цудоўны зімовы дзень	+ 2 ⁰ С
26.12. - 4 ⁰ С	цудоўны зімовы дзень	+ 1 ⁰ С
27.12. 0 ⁰ С	хмура і адліга	0 ⁰ С
28.12. 0 ⁰ С	хмура	0 ⁰ С
29.12.	на паляванні хмура пры паўднёва-усходнім ветры	- 1 ⁰ С
30.12. - 4 ⁰ С	хмура пры ўсходнім ветры	- 1 ⁰ С
31.12. - 3 ⁰ С	хмура з усходнім ветрам	

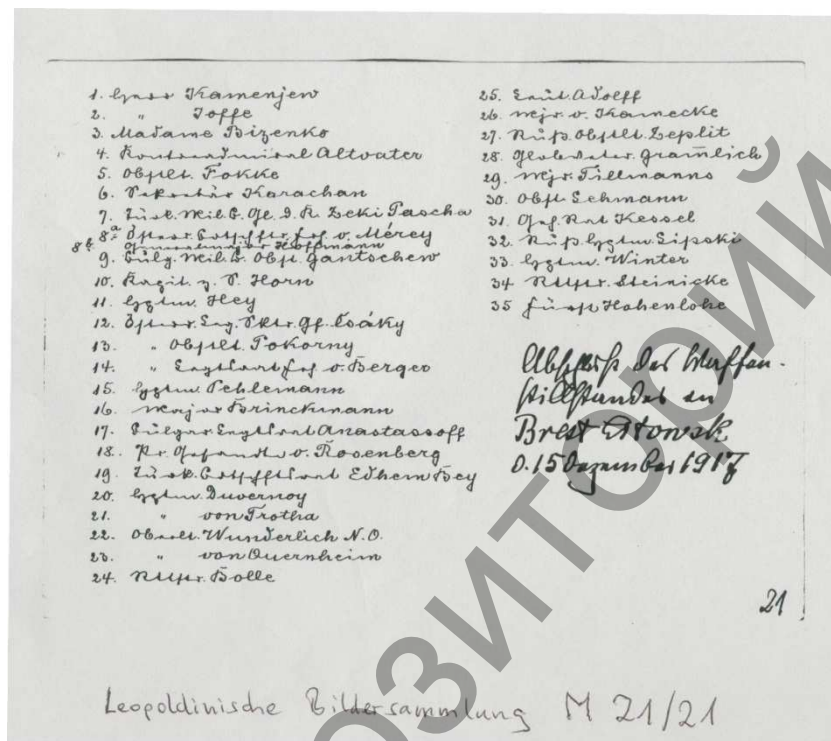
Можна па-рознаму да гэтага назірання аднесціся на фоне міравых праблем таго часу, але тэндэнцыю павялічэння агульнай тэмпературы на 100-гадовым адрэзку часу не заўважыць нельга.

Што да спраў міравых. Як ужо добра вядома, дзякуючы дзённіку прынца Баварскага, ўдалося вызначыць, што Першая сусветная вайна на Ўсходзе была зупынена менавіта ў Скокаўскім палацы 15 снежня 1917 года [1]. Як запісаў у сваім дзённіку прынец Баварскі Леапольд [5]: “15 снежня, +1°, заходні вецер, снег растае. Генерал Гофман трываў цэлы дзень жорсткую барацьбу з рускімі ўпаўнаважанымі. Вёў перамовы вельмі элегантна і прывёў іх да заключэння”.

Гэта здарылася ў 11 гадзін вечара, калі былі падрыхтаваны дакументы. Затым мы ўсе сабраліся ў нашай вялікай сталовай, дзе гэтыя дакументы былі ўрачыста падпісаны прысутнымі тут упаўнаважанымі.

Пасля кароткага звароту з прамоваю я перадаў па адным экзэмпляры прадстаўнікам Аўстра-Венгрыі (графу Мерзю), Турцыі (Зэкі-Паша), Балгарыі (мала здольнаму міністру юстыцыі), Расіі (Іофэ).

Гэта была сусветная гістарычная падзея, якую, пэна, ні адзін удзельнік не забудзе!”

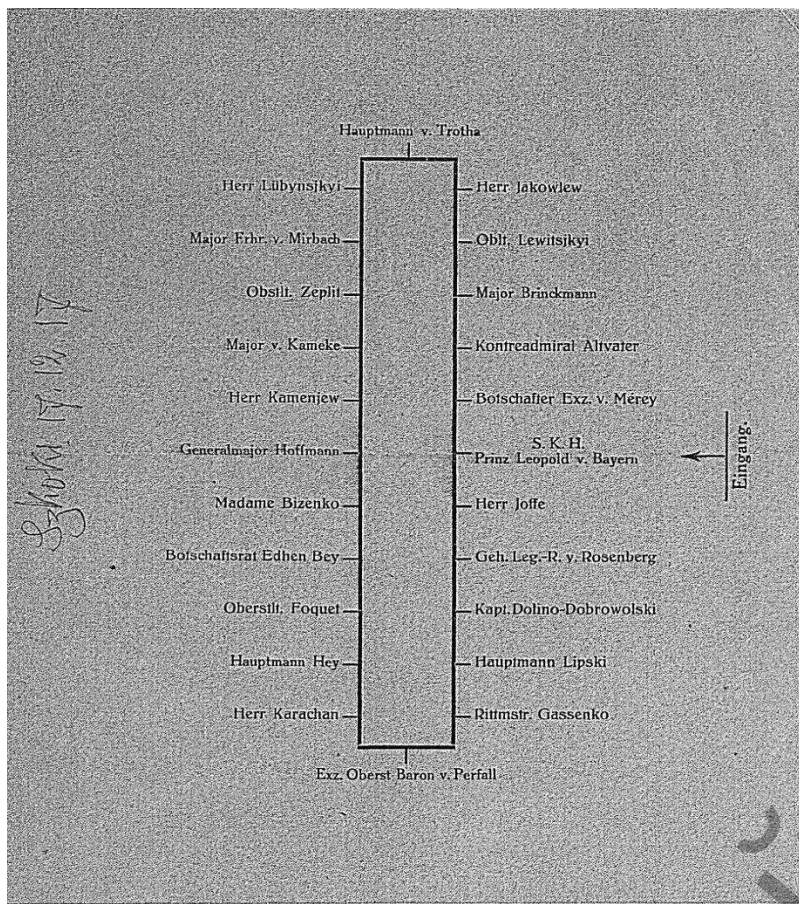

Малюнак 5 – Адваротны бок здымку падпісання Ваеннага перамір'я ў Скоках 15 снежня 1917 года

Як напісана на зваротным боку фотаздымка падпісання Ваеннага перамір'я самім прынцам (мал. 5), у гэтай сусветнай гістарычнай падзеі прыймалі ўдзел [1]: “1. Каменеў; 2. Іофэ; 3. спадарыня Бізенко; 4. контр-адмірал Альтфатэр; 5. падпалкоўнік Фоке; 6. сакратар Каракхан; 7. турэцкі ваенны ўпаўнаважаны генерал кавалерыі Зэкі Паша; 8а. аўстрыйскі пасол барон фон Мерзю; 8б. генерал-маёр Гофман; 9. балгарскі ваенны ўпаўнаважаны палкоўнік Ганчэў; 10. марскі капітан Горн; 11. капітан Хэй; 12. аўстрыйскі сакратар пасольства граф Ксакі; 13. аўстрыйскі падпалкоўнік Пакорны; 14. аўстрыйскі радца пасольства барон фон Бэргер; 15. капітан Пэлеман; 16. маёр Брынк-ман; 17. балгарскі

радца пасольства Анастасу; 18. прускі пасланнік фон Розэнбэрг; 19. турэцкі радца пасольства Эдхэм Бэй; 20. капітан Дувэрноў; 21. капітан фон Трота; 22. падпалкоўнік Вундэрліх; 23. падпалкоўнік фон Квэрнхэйм; 24. майстар верхавой язды Боле; 25. лейтэнант Адольф; 26. маёр фон Камэке; 27. рускі падпалкоўнік Цэпліт; 28. генерал-ветэрынар Грамліх; 29. маёр Цільманс; 30. палкоўнік Леман; 31. тайны радца Кесэль; 32. рускі капітан Сікорскі; 33. капітан Вінтэр; 34. майстар верхавой язды Штэйнікэ; 35. князь фон Гохэнлоэ”. Усяго 35 асобаў.

Відавочнае пытанне: “А чаму падпісанне Ваеннага перамір'я не адбылося ў Белым палацы ў крэпасці?” Як сведчыць дзённік прынца Баварскага [5], Белы палац альбо Тэатральная зала, як называў яе прынец, проста да гэтай справы 15 снежня 1917 года не была яшчэ падрыхтавана. Таму і першае арганізацыйнае паседжанне ўжо па мірным перамовам 17 снежня 1917 года таксама адбылося ў Скоках (мал. 6): “17 снежня, -1°, цудоўны сонечны зімовы дзень, вечарам стала холадна. Да абеду ў Скокі прыбылі да

Малюнак 6 – План размяшчэння ўдзельнікаў арганізацыйнага паседжання па Брэсцкаму міру ў Скоках 17 снежня 1917 года

мяне ўсе прысутныя кіраўнікі дэпутацый саюзнікаў Рэйха, а таксама ўсе рускія. Рускія паступова становяцца больш даверлівыя, і я вельмі цікаўлюся, якім чынам у хуткім часе будзем прымацца за новыя ўжо мірныя перамовы”.

Адначасова наладжваліся сувязі і з украінскай дэлегацыяй, аб чым прынц Баварскі заўважыў, праўда, скептычна: “16 снежня, нядзеля, -1°, хмурна, часты снегапад. Тры ўкраінскія афіцэры з Кіева прыбылі сёння сюды і былі вечарам у казіно маімі гасцямі. Яны спрабавалі сказаць, чаго яны ўласна хочуць, але не зусім зразумела”.

Але трэба бачыць, што 100 гадоў таму на нашай зямлі вырашаліся справы сусветнага кшталту, таму падрыхтоўка да іх шла вельмі адказна [5]: “18 снежня, -7°, хмурна і штыль, пазней пацяплела.

Юфэ і Каменеў сёння паехалі ў Варшаву, каб на ўласныя вочы пераканацца, як там даглядаюць

параненых і хворых рускіх ваеннапалонных. Магчыма, гэта толькі была зачэпка для заўсёды ім ўласцівага падбухторвання. Ва ўсялякім разе, за імі строга сачылі.

З Берліна ў Брэст прыбылі сёння на папярэднія перамовы пра мір тры высокія чыноўнікі з Міністэрства замежных спраў. Генералу Гофману было даручана прадстаўляць вышэйшае кіраўніцтва на перамовах.

Падрыхтоўку для пражывання тут кожнай чаканай шматлікай дэлегацыі мае падначаленыя вырашылі з вялікім майстэрствам. Пры тутэйшых будаўнічых абставінах было гэта зусім не лёгка. Усё ж такі гэта павінна было стаць магчымым, бо, мне здавалася, у нашых інтарэсах неабходна мірныя перамовы весці тут, а не дзе-небудзь у нейтральнай краіне.

Вялікая зала ў тэатральным будынку ў цэнтры крэпасці была абсталявана, як зала для паседжанняў пленарных нарад канферэнцыі, для чаго яна мела адпаведную плошчу. У параўнальна шматлікіх суседніх памяшканнях меліся малыя і вялікія пакоі, якія аддаваліся для нарад місій асобных дзяржаў.

Таксама дастаткова паклапаціліся і з жылымі памяшканнямі для шматлікіх спадароў, і наша казіно праз адпаведную прыбудову было значна павялічана”.

Афіцыйнае адкрыццё канферэнцыі па перамовам для заключэння міра адбылося ў крэпасці 22 снежня 1917 года [5]: “22 снежня, - 4°, было туманна і хмурна. На чатыры гадзіны пасля абеду было прызначана ўрачыстае адкрыццё канферэнцыі па міры. Мае падначаленыя ператварылі з неверагоднай хуткасцю вялікую тэатральную залу (у ядры крэпасці) у вартасную канферэнц-залу.

Усе ўдзельнікі былі своечасова дастаўлены, і я спрыяў гэтаму. Я выступіў з кароткім зваротам з нагоды ўрачыстага адкрыцця гэтага такога важнага паседжання мірных перамоў, сам я не меў нічога агульнага з мірнымі перамовамі, як такімі. Было дамоўлена, што старшынства штотды павінна будзе зменьвацца, гэта значыць, гэтае месца павінна будзе займаць па чарзе першая асоба ад кожнай місіі.

У якасі старэйшага гэта прыняў на сябе сёння Яго Вялікасць Хаккі-Паша, якому я перадаў старшынства, і затым я адкланяўся.

Была гэта зноў гістарычная векапомная падзея”.

На наступны дзень, які выпаў на нядзелю, прынец заўважыў [5]: “23 снежня. Нядзеля. -40°. Воблачна і туманна. Я не быў у царкве, таму што ў чымся павінен быў сабе адмовіць, яшчэ трэба было ў абед і вечарам ехаць да Брэста.

Умовы, якія ставяць рускія, проста надта нахабныя і таму абсалютна непрымальныя. Нашы жа матывы, наадварот, здаюцца для мяне надта ціхмянымі. Але я не маю на гэта ніякага ўплыву. Мне здаецца ўвогуле, рускія да хуткага заключэння міру адносяцца несур’ёзна, яны хочуць, мяркую я, справу цянуць як можна дольш, каб лавіць рыбу ў мутнай вадзе.

У любым разе, тут варта падумаць, што магло бы здарыцца, калі рускія надумаюць скасаваць Ваеннае перамір’е, альбо мы будзем вымушаны зрабіць гэты крок; у гэтым разе мы павінны будзем распачаць энергічнае наступленне; няма сумнення, цяжкасць заключалася бы ў тым, як далёка маглі б мы ў цяперашнім стане гэта выканаць...

Гофман, з якім я вывучаў гэтую справу на карце, першапачаткова лічыць больш мудрым набраць абароты наступлення на лініі Псков-Нарва, што верагодна пры склаўшыхся абставінах магло заняць некалькі тыдняў... Я меў на ўвазе самым спрыяльным максімальна апэратыўнае валоданне пасля захопа Паўночнага Ёсходу і Ёсходу галоўнымі чыгуначнымі лініямі, а таксама асцярогу нас ад перапраў праз рэкі і забяспечэнне падоўжнага руху і на чыгуначных лініях, так што папаўненне і сувязь абапіраліся б на адзіны базіс.

Пакуль усё гэта было толькі для якой-небудзь будучай музыкі”.

Адсюль няцяжка заўважыць, што стратэгічныя пункты Нарва і Пскоў з’явіліся задоўга да канца лютага наступнага года.

Наступаў новы 1918 год, якога чакалі мільёны людзей ва ўсім свеце і ніхто яшчэ тады не ведаў, што ён прынясе чалавецтву.

Прынец Баварскі ў Скоках запіша [5]: “31 снежня. -30°. Воблачна пры ўсходнім ветры. Генерал Гофман адбыў на адзін дзень у Берлін. На заўтра аб’явілі аб прыбыцці трох украінцаў, якія пр’язджаюць па справам ваеннага перамір’я.

Вечарам была ў нас у казіно артыстка Элен Шульц з Kassler-тэатра, якая мае добры голас і ў зносінах астаўляе сімпатычнае ўражанне... “

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Гладышук, А. А. Нямцэвічы. Сапраўдныя гісторыі. – Мінск, 2009 // Прынец Баварскі. Гісторыя дзевятыя. – С. 171–187.
2. Leopold Prinz von Bayern 1846-1930. Aus den Lebenserinnerungen. – Regensburg, 1983. – S. 302–310.
3. Гладышук, А. А. Военное перемирие в Скоках – окончание Первой мировой войны и начало переговоров о заключении мира // Великая европейская война на Беларуси: сборник докладов I Международной научно-практической конференции, д. Скоки Брестского района, 15 декабря 2012 г. – Брест, 2013. – С. 6–10.
4. Гладышук, А. А. О некоторых деталях подписания Военного перемирия в Скоках 15 декабря 1917 г. // Великая европейская война на Беларуси: сборник докладов V Международной научно-практической конференции, д. Скоки Брестского района, 15 декабря 2016 г. – Брест, 2017. – С. 4–7.
5. Nachlass Prinz Leopold. Bayerisches Hauptstaatsarchiv. Geheimüss Hausarchiv. – S. 608–1192.

ПИВОВАРЧИК С. А.

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин, УО «ГрГУ имени Я. Купалы», г. Гродно, Республика Беларусь

КРЕПОСТИ КОВНО, БРЕСТ-ЛИТОВСК, ОСОВЕЦ, ГРОДНО В БОЯХ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Западная граница Российской империи значительно изменялась в результате трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг., а также после Венского конгресса 1814 г. Расширение государства повлекло за собой необходимость принятия мер к фортификационному укреплению западной границы. Планы по военно-инженерному строительству на западной границе Российской империи соответствовали общей внешней и внутренней политике, экономике, военной стратегии и тактике, уровню развития фортификационных идей в России вт. пол. XVIII – нач. XX вв. [1, с. 16].

Фортификационное обеспечение западного театра военных действий России в кон. XIX – нач. XX в. представляло собой определенную систему. В центре образовался Привисленский (Варшавский) укрепленный район с основными крепостями Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород. Кроме этого для обеспечения переправ были построены крепости Осовец, Зегрже, Ломжа, Остроленка, Рожаны и Пултуск. К северу от Привисленского района, прикрывая его правый фланг и пути на Петербург, находилась оборонительная линия Немана. Эта линия обеспечивалась на правом фланге крепостью Ковно и временными укреплениями у Олиты (Алитуса) и Гродно, что придавало оборонительной линии Немана маневренный характер. Южный фланг Привислинского района имел укрепление в виде Ровно-Дубненского узла и крепости Брест-Литовск на Буге. В тылу располагались старые тыловые крепости-склады Двинск (Динабург, переименованный в 1897 г.), Бобруйск и Киев. По мнению А. М. Заянчковского, система укреплений западной границы России, прикрывая сосредоточение армии в междуречье Вислы и Немана, могла служить хорошим плацдармом для начала активных действий в отношении Германии. Примерная общая стоимость постройки, оборудования (включая вооружение) и содержание гарнизонов крепостей западной границы определялась в среднем около 250 млн руб., и несмотря на затраты, крепости никогда не находились на уровне современных той эпохе требований техники [3, с. 55].

К началу Первой мировой войны на границах России находились в различных стадиях постройки десять сухопутных крепостей: Выборг, Карс, Михайловская (Батуми), Кушка, Ковно, Гродно, Осовец, Новогеоргиевск, Ивангород (перед самой войной был снова введен в штат крепостей), Брест-Литовск. На строительство по утвержденным проектам с 1912 г. было назначено 121 млн руб. Строительство должно было быть закончено в 10 лет, причем работы первой очереди – через пять. На первую очередь работ отпускалось 63 млн руб., на вторую 58 млн руб. Фактически за три года (1912–1914) было отпущено 34 млн руб., т. е. около 50% суммы на работы первой очереди [2, с. 408].

Город Ковно находился на стратегическом направлении возможного наступления противника на Ригу и Вильнюс, через город проходила железнодорожная ветка Санкт-Петербург – Варшава. Рельеф окружающей местности представлял совокупность высоких холмов и низин, что создавало естественную укрепленную линию и хорошо подходило для создания крепости. В 1879 г. император Александр II издал указ о создании в г. Ковно сухопутной крепости I класса. Планировалось возвести семь фортов и девять промежуточных батарей. Работы проходили быстрыми темпами и к концу 1886 г. были построены не только оборонительные сооружения, но и склады, лаборатории, мастерские, крепостная железная дорога, казармы. Крепостная позиция имела поперечник в 8 км и обвод в 25 километров. В 1888 г. в центре города стали строить ряд каменных зданий для администрации крепости и других армейских учреждений, возводится крепостной Петропавловский

собор. В пригородах Шансы, Панемуне, Фреда, а также в районах Зелёная Гора и Вильямполе возводятся большие военные городки и складские помещения. В начале XX в. работы в Ковно ограничивались переделкой старых фортов и их ремонтом.

В 1913 г. было начато расширение крепости согласно новому плану – планировалось построить 12 новых долговременных фортов и 9 опорных пунктов. С началом войны все работы были свёрнуты, успели построить бетонные убежища (Домейкаво) либо только провести земляные работы (Палемонас). К началу войны Ковенская крепость представляла собой достаточно современную мощную оборонительную позицию со значительным гарнизоном, способным выполнять боевые задачи.

Оборона Ковенской крепости русскими войсками продолжалась десять дней в июле-августе 1915 г. В результате ожесточенных боёв город был взят германскими войсками 5 августа. При подготовке и ведении обороны Ковенской крепости были допущены как тактические, так и стратегические просчеты. Крепость не успели должным образом подготовить к обороне в соответствии с предвоенным мобилизационным планом. Военное командование России безответственно распорядилось штатными частями крепостей, которые были хорошо подготовлены к сражениям в крепостных условиях – вместо этого их использовали в полевых условиях. В крепости не хватало дальнобойной артиллерии, действия частей гарнизона были плохо скоординированы. Немалое психологическое давление на защитников крепости оказала немецкая артиллерия особой мощности, вызывая большие потери и разрушения, что подрывало боевой дух обороняющегося гарнизона.

Неэффективное управление коменданта, штаба и управлений крепости находящимися на фронте частями оказало сильное отрицательное действие на качество обороны и отразилось на ходе событий, особенно в последние дни. Ни штаб Северо-Западного фронта, ни командование 10-й армии не смогли организовать оборону крепости, тщательно согласовывая боевые действия между собой и соседними корпусами, не подготовили и не осуществили ни одного значительного наступления, которое могло бы хоть немного облегчить гарнизону его задачу. Крепость была обречена сражаться в одиночку. Николай II и Главный штаб фактически предали крепостной гарнизон, бросив его на произвол судьбы. Комендант крепости генерал В. Н. Григорьев в дальнейшем был назначен виноватым и должен был понести ответственность за все произошедшие неудачи [5, с. 163].

Бресту придавалось большое значение в военно-стратегических разработках российских властей и планах по фортификационному укреплению западного театра военных действий. Поэтому для строительства и поддержания Брестской крепости в боевой готовности прилагались большие усилия, что привело к непрекращающемуся процессу ее модернизации. Начало строительства крепости ускорило восстание 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси. Выделяются три этапа формирования фортификационного комплекса: 1823–1848 гг. – разработка и возведение крепости бастионного характера с цитаделью; 1869–1888 гг. – модернизация фортификационных объектов и формирование фортовой крепости; 1910–1915 гг. – дальнейшее развитие фортовой крепости в соответствии с новыми военно-стратегическими планами и инженерно-техническими идеями.

К началу объявления мобилизации крепость Брест-Литовск находилась в стадии перестройки и представляла собой следующий вид: ядро крепости составляла внутренняя ограда устаревшей конструкции, расположенная у слияния р. Буг и р. Мухавец и состоявшая из двенадцати фронтов с пятью рavelинами преимущественно бастионного начертания (3 в Кобринском и 2 в Волынском отделах), с водяными рвами и кирпичными казематами под валгангом. В северо-восточном углу непосредственно позади первого и третьего бастионов находились два редута: в первом была устроена крепостная искровая станция, во втором – казарма крепостной саперной роты.

В самом центре, на островке, окаймленном р. Буг и двумя рукавами р. Мухавец, была расположена Цитадель в виде кольцевой двухъярусной казармы с 4-мя башнями, имеющей в окружности 850 сажень. В казарме располагались 500 казематов и четверо крепостных ворот с мостами через реки Буг и Мухавец.

К северу от внутренней ограды в расстоянии около 400 саженей находился устаревший форт графа Берга постройки 1869 г. Внутри этого укрепления возводилось здание нового бетонного рефрижератора, почти законченное вчерне, за исключением небольшой части железобетонных сводов, и возведенное вчерне отдельное 2-этажное помещение под склад консервов.

На пространстве, огражденном внутренней крепостной оградой, расположены были: в центре – крепостной собор и почти все за исключением особого интендантского городка административные и хозяйственные крепостные постройки необоронительного характера, минный городок, четыре запасных пороховых погреба.

В расстоянии от 3 до 4 верст от внутренней ограды было расположено кольцо второлнейных фортов, из которых первые три, расположенные в северном и северо-восточном секторе Кобринского отдела обороны (между реками Буг и Мухавец), в счет обороны идти не могли, т. к. представляли собой земляные люнеты постройки 1879–1880 гг. без обороны сухих рвов и с открытыми горжами.

Внешняя фортовая линия обороны, возводившаяся по проекту перестройки крепости в расстоянии от 7 до 9 верст от ее центра, ко времени объявления войны была еще не закончена. Из 14-ти предполагавшихся в этой линии фортов были вполне закончены лишь два: перестроенный и включенный в первую линию обороны форт VIII и новый форт Ж (за исключением углубления горжевого рва). Затем по степени готовности следовали: также перестроенный и включенный в первую линию форт X, в котором оставались работы по укладке швеллеров и набивке бетонного перекрытия над галереей в левом фасе форта, ведущей к левому полукапониру; новый форт А с сухим рвом, в котором по директрисе напольного фаса был прорыт котлован и набит бетонный туюфак под фундамент потерны, ведущей из подбрустверной галереи в головной капонир. Работа по возведению этой потерны производилась и была закончена в мобилизационный период.

В общем итоге на внешней крепостной оборонительной линии ко дню мобилизации имелись долговременные фортификационные сооружения: 1) вполне законченные два форта (VIII и Ж) и четыре промежуточные оборонительные казармы; 2) заканчивающиеся постройкой два форта (А и X); 3) пять фортов недостроенных в значительной своей части (Е, З, Л, К и О) и 4. гласис Ж–З. Кроме этого имелись рефрижератор (холодильник), со складом консервов и несколько запасных и расходных пороховых погребов в разной степени готовности [6, л. 19–28].

К моменту, когда крепость оказалась под угрозой осады, были закончены почти все полевые позиции. Летом 1915 г. был проведен комплекс работ по установлению препятствий на подходах к передовой линии. Все дороги, ведущие в крепость с запада, северо-запада и юго-запада, были испорчены: перерыты канавами, перегорожены насыпями, затянута проволочными заграждениями. Передовые позиции соединялись новыми линиями окопов с первой линией фортов, подступы активно минировались. Особенно укреплялись промежутки между фортами в западном секторе, поскольку форт «Н» не был завершен [7, с. 209].

К августу 1915 г. крепость, которая практически уже была осаждена, но окружения пока избежала, была наиболее подготовленной к боевым действиям крепостью Российской империи. Однако, имея развитую фортификационную систему, крепость практически не имела боеспособного гарнизона, способного вести боевые действия в условиях осады. Все боеспособные части и вооружение постоянно отправлялись на фронт. В крепости остались лишь склады, она стала местом формирования резервных дивизий для действующей армии [6, с. 17–27].

В начале августа 1915 г. российские крепости Новогеоргиевск, Осовец и Ковно были захвачены противником. К Бресту с трех направлений подходили три корпуса противника. Учитывая угрозу обхода Бреста австро-германскими войсками, российское командование, во избежание окружения, приняло решение оставить крепость, взорвав укрепления [6, с. 56–76]. 8 августа 1915 г. началась эвакуация гарнизона и военного имущества

ва. Укрепления было приказано взорвать. Приказ был исполнен с разной степенью старательности. Значительному разрушению подверглись литерные форты северо-восточного сектора, полностью уничтожен форт «Ж». Укрепления номерного пояса и Цитадели пострадали незначительно. Казаки и ополченцы уничтожили практически весь город Брест-Литовск, было разрушено около 80 % всех зданий. Начальник инженеров крепости В. А. Лидерс вспоминал: «Стоя на шоссе у фольварка Тришин...мы были свидетелями незабываемой, душу потрясающей картины феерического пожара: горели не только весь город целиком, его окрестности, строения инженерной мастерской на форту III, но и окрестные деревни на всем доступном глазу пространстве, причем даже торчащие на кладбище кресты, были охвачены пламенем и горели в виде факелов» [6, л. 79]. В ночь с 12 на 13 августа 1915 г. австрийские войска заняли крепость и город.

К началу боевых действий крепость Осовец представляла систему из четырех фортов, из которых № I, III, IV были расположены на левом берегу р. Бобр, на гряде песчаных холмов. Совокупностью этих трех фортов образовывалась крепостная позиция, общим протяжением 6 верст по фронту. Форт № I (Центральный) находится непосредственно у полотна железной дороги, форт № III (Шведский) – западнее в двух верстах. Еще далее к западу в 2 верстах 300 саженях – форт № IV (Новый). Форт № II (Заречный) вынесен на правый берег р. Бобр и вместе с прифортными сооружениями образовывал Заречную позицию на расстоянии до 1 ½ верст впереди Главной крепостной позиции. Ядром крепости являлись I и III форты, объединенные северо-восточным, северо-западным и южным соединительным гласисами. Площадь между ними представляла незначительный плацдарм, насквозь простреливаемый, но единственный для размещения артиллерийских позиций крепости. Здесь и на фортах были сосредоточены боевые и продовольственные запасы крепости.

Главная крепостная позиция, преграждала долину р. Бобр в месте наиболее удобном для переправы, запирала железнодорожный путь, совпадающий с наиболее вероятным операционным направлением германцев. На правом фланге позиции, на расстоянии 4 ½ версты находятся Гониондзские высоты. Они имеют весьма важное значение как для атакующего, так и для обороняющегося, так как главенствовали над окружающей местностью и давали возможность вести огонь во всех направлениях, в том числе по крепостным сооружениям, железной дороге и тылам русских позиций. На этих высотах еще в мирное время предполагалось построить форт, но к началу войны постройка его не началась, и пришлось ограничиться только полевыми укреплениями.

С первого дня мобилизации гарнизон Осовецкой крепости прилагал старания по усилению обороноспособности позиций. 2 сентября на дальних подступах к крепости появились немецкие разведки. 6 сентября комендант издал приказ с принятием мер «по воспрепятствованию противнику безнаказанного подхода к крепости и занятию линии обложения». В этот день над крепостью появились неприятельские аэропланы, проводившие разведку.

В ночь с 10 на 11 сентября гарнизоном крепости была произведена усиленная рекогносцировка всего неприятельского расположения, давшая ценные сведения. К вечеру 12 сентября, несмотря на энергичное сопротивление гарнизона крепости, противник обложил крепость с правого берега р. Бобр, развернув широкой, охватывающей дугой свои батареи и полевые позиции. Артиллерия немцев была расположена в основном лесном массиве, расположенном впереди крепостных позиций, что затрудняло обнаружение арпозитий и ведение контрбатарейной борьбы.

В ночь на 15 сентября и около полудня того же дня немецкая пехота предприняла попытку штурма позиций русских войск, но была остановлена ураганным огнем крепостной артиллерии. В свою очередь в ночь с 17 на 18 сентября русские полевые войска перешли в наступление на фронте крепости, в котором принял участие и Осовецкий гарнизон. Немцы, спасая свою артиллерию, отступили и сняли осаду крепости. Таким образом, первая попытка немцев овладеть крепостью осенью 1914 г. оказалось неудачной.

Летом 1915 г. складывающаяся для немцев обстановка на фронте рек Нарев, Бобр и Неман вызывала необходимость во что бы то ни стало овладеть крепостью Осовец и прорваться к Белостоку. Это создавало угрозу для русских армий, действующих на передовом театре. Помня свои неудачи взять крепость открытым штурмом и «убедившись в невозможности сокрушить верки крепости и подорвать дух защитникам даже при содействии своих 42 сантиметровых чудовищ, коварный враг решил отравить защитников и по их трупам церемониальным маршем войти в крепость и прорваться к Белостоку. Вообще немцы решили ускорить взятие крепости открытой силой, с применением газовой атаки» – писал в своем рапорте последний комендант крепости генерал-лейтенант Бржозовский.

К 24 июля русские войска на крепостной позиции располагались следующим образом: правый фланг Сосненской позиции у дер. Белогронды был занят тремя ротами: 1-я рота 226-го Землянского полка и две роты ополченцев. Они прикрывали справа главный участок Сосненской позиции, а также с севера Заречный форт по дороге, идущей на форт через Будненский мост. Центр Сосненской позиции и левый фланг между Рудским каналом до дер. Сосня были заняты 1 ½ батальонами (батальон 226-го Землянского полка и две роты ополченцев). Расположение частей было следующим: первый участок Сосненской позиции вдоль железнодорожного полотна до двора Леоново был занят 10-й ротой при поддержке полуроты ополченцев. Эти части прикрывали наиболее важное направление вдоль железной дороги и Рудского канала на Заречный форт. Второй участок заняла одна рота (9-я), за которой также расположилась полурота ополченцев. Третий и четвертый участки также были заняты ротами (12-я и 11-я) 226-го Землянского полка. В резерве за Сосненской позицией около дома лесника находилась одна рота ополченцев.

Таким образом, вся Сосненская позиция была занята девятью ротами (из них три ополченцев). Для усиления резерва позиции, в ночь с 23 на 24, с Заречного форта был выслан еще один батальон Землянского полка, но около 3 часов утра этот батальон вернулся обратно на форт для отдыха после ночного дежурства. Оставлять большие силы на Сосненской позиции за малочисленностью гарнизона крепости не представлялось возможным.

Германское командование сосредоточило против русских частей около четырнадцати батальонов 11-й ландверной дивизии. В резерве находилось еще около шести батальонов. Напротив дер. Белогронды немцы расположили 5-й ландверный полк с 41-м эрзац-резервным батальоном, задача которых заключалась в прорыве расположения русских войск через Белогронды и занятии с севера Заречного форта.

18-й ландверный полк с 147-м эрзац-резервным батальоном должны были действовать против первого и второго участков русской позиции. На них была возложена задача прорвать центр Сосненской позиции, отрезать войска, занимающие ее левый фланг, и ворваться на Заречную позицию через Рудский мост.

76-й Ландверный полк получил задачу занять дер. Сосня и, наступая в направлении дома лесника, действовать на левый фланг Сосненской позиции. Указанные пехотные части были усилены одним саперным батальоном и частями 36-го саперного батальона. В резерве у немцев находился 75-й ландверный полк (вдоль полотна железной дороги) и еще два полка неизвестной нумерации (по показанию пленных).

Приблизительно за две недели до газовой атаки немцы завезли на свои передовые позиции свыше 30 газовых батарей по несколько тысяч баллонов, скрытно установили в четырех местах по 6-7 батарей в каждом и выжидали наиболее благоприятных атмосферных условий для усиления отравляющего действия газа.

Газовая атака началась 24 июля в 4 часа утра. Густое облако газа темно-зеленоватой окраски уже через 5–10 минут достигло русских окопов, быстро направляясь вперед к крепости, имея большую начальную скорость и расширяясь в стороны и вверх. Действие газового облака с одной стороны образовало завесу, скрывающую подступ противника, а с другой стороны смертельно отравляло все, над чем проходило. Под действием отравляющих газов первыми жертвами стали разведывательные партии и

секреты, которые все погибли. Несмотря на принятые меры (сжигание пакли и соломы, поливание перед окопами извести, надевание респираторов), почти все защитники 1-го, 2-го, 4-го и половина 3-го участка Сосненской позиции были смертельно отравлены удушливыми газами. Частично были отравлены и люди из резерва Сосненской позиции. Распространение газов вперед продолжалось до 20 верст, а вверх до 5-6 саженей, но разрушительное действие газов сказывалось по прохождении их до 12 верст, после чего сильно ослабевало. Смертельно поразив передовые части, яд газов обессилил большую часть защитников крепости, проникая даже в плотно закрытые помещения. Более чем на 12 верст поступательного пути вся растительность была уничтожена газом.

Гарнизон был принят все рекомендованные меры для борьбы с газами. Но оказалось, что противогазовые повязки очень слабо обезвреживают газ из-за незначительной площади. Применение их в бою было крайне неудобно, так как сделать повязку и поддерживать ее на ходу в бою крайне затруднительно. Особенно для командного состава, которому, руководя нижними чинами, приходилось срывать повязки. Силу действия газов отчасти уменьшили климатические и местные почвенные условия. Утро 24 июля было холодное, туманное, сырое, и газ, пройдя частью над мокрым болотом, рекой и водяными рвами, обезвреживался в значительной степени, что спасло гарнизон от громадных потерь.

После сигнала красными ракетами все немецкие батареи открыли ураганный огонь по Сосненской позиции. Особенно интенсивному обстрелу подверглись дер. Осовец (немцы боялись удара оттуда русских во фланг наступающим войскам) и единственная дорога, шедшая от резерва Сосненской позиции через мост на Рудском канале на Заречный форт, откуда могли прибыть подкрепления на Сосню. Огню подверглись также Заречный форт, Заречная позиция и остальные форты и плацдарм, причем артиллерийские снаряды были начинены составом с газами.

Под прикрытием артиллерийского огня и удушливых газов немецкая пехота пошла на штурм. На фронт Белогронды-Сосня (протяженность 5 верст) были направлены полки 11-й ландверной дивизии Эйнема (5-й, 18-й, 75-й, 76-й), за которыми в резерве следовали еще два полка.

Первоначально немцы обрушились на первый участок Сосненской позиции, к которому они наиболее приблизились до 24 июля. Фронтальная лобовая атака была тяжелой для немцев, но в случае успеха они отрезали центр и левый фланг Сосненской позиции от крепости, отбрасывая занимающие их русские части на болота, а также разъединяли Сосненскую и Белогрондскую позиции.

На первом участке к этому времени остались в живых только два пулеметчика, которые хотели открыть огонь по наступающим немцам, но настолько ослабли от газов, что сделать это не смогли. Тогда они разобрали пулемет и его части зарыли в песок. Пулеметчики погибли здесь же в пулеметном гнезде.

Немцы прорезали около десяти проходов в трех полосах проволочных заграждений перед первым участком и начали движение по обе стороны железной дороги. Крепостная артиллерия открыла сильный заградительный огонь и заставила наступавших остановиться. К позициям резерва Сосненской позиции прорвались только части 18-го ландверного полка. 76-й ландверный полк атаковал дер. Сосню, потеряв при этом погибшими от своих же газов около тысячи человек. К тому времени живых русских солдат там практически не осталось и, разможив черепа 36 мертвым солдатам, немцы атаковали третий участок. Один из крепостных пулеметчиков, захватив с собой пулемет, отошел от дер. Сосня и, став в ходе сообщения между дер. Сосня и третьим участком, начал в упор расстреливать немцев. Он успел выпустить две ленты, уложив вокруг себя много врагов. Но когда он вкладывал третью ленту, немцы, воспользовавшись перерывом, набросились на него и зверски убили. После этого немцы двинулись на третий участок, окружили его и атаковали с трех сторон, но взять не смогли.

Немецкие части, наступавшие от первого и второго участков, дошли до окопов резерва и стали преодолевать проволочные заграждения. Своим продвижением они отрезали Белогрондскую позицию от Сосненской и остальной крепости. Немцы, наступавшие вдоль железной дороги, торопясь развить свой успех, раздробились на несколько цепей, следовавших одна за другой, и были не в состоянии оказать друг другу поддержку при возможной контратаке русских.

Головные части немцев атаковали позицию резерва, арьергардные в это время интенсивно укрепляли позиции возле господского двора Леоново. Начальник Сосненской позиции капитан Потапов, видя критическое положение своего отряда, приказал находящейся в резерве 7-й роте продвинуться вперед и занять на холме тыловые окопы. Благодаря этому удалось задержать противника, и Потапов обратился за подкреплением к начальнику 2-го отдела обороны.

На Сосненской позиции противник, почти не встречая сопротивления со стороны отравленных защитников 1-го, 2-го и 4-го участков, занял их и подошел к резерву. На Белогрондской позиции немцы, следуя непосредственно за газами, силой около двух рот, атаковали с северо-запада Белогронды. К тому времени в живых на участке около 2 верст осталось двадцать человек при двух пулеметах, одним из которых действовал прапорщик Землянского полка Ретюнский, а другим – пулеметчик крепостной артиллерии. Немцы успели срубить один ряд кольев проволочных заграждений на протяжении 50 саженей, но пулеметным огнем были отогнаны. После этого они два раза накапливались для атаки, но были разогнаны пулеметным и артиллерийским огнем.

Гарнизон Сосненской позиции оказался в критическом положении, и сложившаяся ситуация представляла непосредственную угрозу Заречному форту и Заречной позиции, так как немцам, уничтожив резерв, только и осталось ворваться в крепость. Поэтому крепостной артиллерии было приказано устроить огневую артиллерийскую завесу впереди Сосненской позиции, а начальнику 2-го отдела обороны полковнику Катаеву перейти в контратаку уцелевшими частями 226-го Землянского полка.

Крепостные артиллеристы, отравленные газами, не смогли сразу открыть огонь по противнику. Поэтому передовые части и первая линия немцев проникли за передовую Сосненскую позицию, переколов оставшихся защитников и захватив противоштурмовые окопные орудия и пулеметы. Однако резервы противника заградительным огнем крепостной артиллерии были отрезаны от первой линии, опрокинуты и отброшены назад с большими потерями.

Начальник 2-го отдела обороны приказал 13-й роте перейти с Заречного форта на Сосненскую позицию, задержать продвижение немцев на крепость и отбить у противника 1-й участок Сосненской позиции. Вслед за этой ротой были высланы 14-я и 8-я роты, получившие задачи отбить обратно дер. Сосню и 2-й участок Сосненской позиции.

13-я рота, составлявшая гарнизон Заречного форта, уже потеряла отравленных газами 20 человек. Командир роты подпоручик Владимир Котлинский также получил отравления газом, но остался в строю. Для выяснения состояния и исправления фортификационных построек вместе с ротой был направлен саперный офицер подпоручик Владислав Стржеминский. Рота, значительно отравленная удушливыми газами, перешла мост и гать длиной около версты и под сильным артиллерийским огнем противника повела наступление вдоль полотна железной дороги.

Подпоручик Котлинский лично произвел рекогносцировку. Рота во главе со своим командиром бросилась в атаку на наступающие немецкие цепи с расстояния в 300 м. Немцы открыли по 13-й роте сильный ружейный и пулеметный огонь, но это не остановило стремительной атаки, во время которой был смертельно ранен подпоручик Котлинский. Командование ротой принял подпоручик Стржеминский, который, обнажив шашку, с криком «Ура!» бросился на немцев, увлекая за собой роту. Местность для атаки была весьма неудобная: развалины старых блиндажей представляли собой ямы, в которых проваливались люди, отовсюду торчали доски и бревна. Однако 13-й роте штыковой атакой удалось выбить немцев последовательно с занимаемых ими позиций, а потом и

из передовых окопов 1-го и 2-го участков Сосненской позиции. Захваченные прежде немцами противотанковые орудия и пулеметы были в полной исправности отбиты, при этом взяты 16 пленных. Подпоручик Стржеминский был сильно отравлен удушливыми газами, но остался в строю. Впоследствии подпоручики Владимир Котлинский и Владислав Стржеминский были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени.

После того, как 1-й и 2-й участки Сосненской позиции были отбиты у немцев, русские войска приступили к атаке двора Леоново. Местность была неудобна для атаки, так как свои же широкие проволочные заграждения перегораживали путь. Атаковать можно было только по ходу сообщения, продольно обстреливаемому немцами из окопа между двумя ближайшими полосами проволочных заграждений. Русским пришлось прибегнуть к траншейному бою ручными гранатами по французскому способу и продвигаться, используя стрелковые щитки.

Крепостная артиллерия начала обстрел двора Леоново, результат превзошел всякие ожидания. По небольшой площади был сосредоточен огонь девяти тяжелых и двух легких батарей. С Белогрудской позиции и с первого участка русские войска открыли пулеметный огонь в тыл противника, в результате чего немцы были большей частью перебиты, и лишь немногие смогли отойти. К 10 часам утра последний оплот немцев, самый важный, был занят русскими.

В это время начальник 3-го участка командир 12-й роты подпоручик Чеглоков выяснил, что немцы захватили дер. Сосню и стремятся охватить 3-й участок с фланга и тыла. С целью воспрепятствовать охвату подпоручик немедленно передвинул на фланг взвод и открыл по немцам сильный ружейный и пулеметный огонь. Несмотря на яростные атаки, немцы дважды были отбиты и были вынуждены отойти назад к дер. Сосне, где, прикрываясь складками местности, продолжали отстреливаться.

В это время подоспела высланная на поддержку левого фланга Сосненской позиции 14-я рота. Две роты под командованием подпоручика Чеглокова перешли в энергичное наступление и, несмотря на сильное сопротивление немцев, штыками выбили немцев из окопов дер. Сосни (4-й участок). При этом у немцев были отбиты захваченные ими ранее орудия, пулеметы и взяты 14 человек пленных. 8-я рота, высланная вслед за 14-й, усилила 2-й участок Сосненской позиции и помогла удержать его.

Таким образом, к 11 часам утра, т. е. в течение 7 часов, знаменитый газовый штурм немцев был самоотверженно отбит частями 226-го Землянского полка. Пленные немцы, взятые во время газового штурма, показывали, что от командования до последнего рядового германской дивизии, атаковавших крепость, были уверены, что ничто не устоит против яда газов. Уверенность, что весь гарнизон погибнет от газов, была настолько велика, что немцы заранее нарядили несколько рот для похорон мертвых, все обозы были запряжены и готовы въехать в Осовец. Поэтому первый выстрел, а затем все усиливавшийся огонь русских произвели поражающее впечатление. Этим комендант крепости Бржозовский объяснял зверства, которые «коварный враг в бессильной злобе производил над славными героями, павшими за дорожную твердыню».

Неудачная попытка немцев атаки с применением газа не остановила их намерений по взятию крепости. Не прекращая интенсивный обстрел, противник начал готовиться к штурму с применением более сильных удушающих газов. Однако провести его немцы не успели – в ночь с 9 на 10 августа крепость была полностью оставлена русскими войсками. Для уничтожения сооружений остались только инженеры и саперы, а также четыре орудия, из которых непрерывно вели огонь с целью ввести неприятеля в заблуждение и не позволить ему помешать эвакуации крепости. В 22 часа 10 августа орудия сделали последние выстрелы и были уничтожены подрывом. Разрушение бетонных крепостных сооружений было полное, все деревянные постройки крепости, Довнарские казармы и Суворовский штаб, находящийся в 10 км, сожжены. Войска из крепости отступили к д. Суховоля, где был сформирован сводный Осовецкий корпус под командованием коменданта крепости генерал-майора Бржозовского. Через несколько дней корпус отошел к крепости Гродно, где принял участие в оборонительных боях.

Стратегическая роль Гродно заключалась в его пограничном положении, наличии переправы через Неман и путей сообщения. В развитии гродненской фортификации в XIX – нач. XX в. можно выделить три этапа: разработанные, но нереализованные проекты первой трети XIX в.; создание укрепленной позиции временного характера в кон. 80-х–нач. 90 гг. XIX в.; строительство (незаконченное) новой современной фортовой крепости широкого размещения в 1912–1915 гг. Решение о строительстве Гродненской крепости было принято незадолго до Первой мировой войны, поэтому она стала последней крепостью Российской империи.

Капитан Ястржембский прибыл в Гродно в 1914 г. на инженерно-строительную практику. Тут его застали война и эвакуация гарнизона. Во время прохождения практики ему пришлось работать на нескольких фортах крепости. Описывая состояние работ на четвертом форте во время объявления крепости на военном положении 13 июля 1914 г., он отмечал, что «форт № IV принадлежал к фортам репрезентативным. Всегда, когда кто-нибудь из высшей власти приезжал в Гродно, чтобы ознакомиться с ходом крепостных работ, прежде всего показывали ему форт IV. Посетил его даже царь (император Николай II посетил форт во время своего пребывания в Гродно 1 ноября (по старому стилю) 1914 г.). Меня было решено использовать как сапера, доверив планировку и строительство препятствий на склонах возвышенности, на которой находился форт, а также оборудование линии огня. Необходимо отметить, что эта линия по всей длине включала бетонный стрелковый бруствер. Он одновременно являлся сводом расположенного ниже убежища, которое на этом форте было закончено. Устанавливал в бетоне стальные щиты русского типа между мешками с землей, которые служили для маскировки и поддержки щитов. Также в дальнейшем выполнял земляные работы – насыпал валы на флангах и горже форта и углублял фронтальный и фланговый рвы. Этот форт являлся главным опорным пунктом целой группы объектов, куда входили опорные пункты «И», 6, 7, 8, 9, 10 и полевые позиции на междуполье» [8, л. 70].

Новые принципы строительства долговременных сооружений в российских крепостях в полной мере были использованы при проектировании и возведении фортов в Гродно и Новогорге, что делало эти крепости наиболее современными, способными к длительной обороне. Анализ проектов крепостных сооружений Гродно свидетельствует, что при проектировании наблюдается свобода в выборе формы начертания фортов в плане. Если раньше наиболее распространенной формой была трапеция, то теперь военные инженеры применяют от треугольной до многогранной, используя в каждом конкретном случае особенности местности.

К началу войны ни один из фортов Гродненской крепости не был готов и на 50%. На большинстве гродненских фортов были возведены лишь стрелковые брустверы и подбрустверные галереи. Брустверы сооружались «секционным» методом и нигде закончены не были. Не успели построить ни кофров (на некоторых фортах прослежены начальные работы по их сооружению), ни капониров, ни тем более потерн, контрминных галерей и горжевых казарм. В общем-то это и не удивительно – в распоряжении строителей при скудных ассигнованиях и бюрократизме военных и гражданских чиновников было неполных два строительных сезона. В Гродно фактически был подготовлен только каркас крепостной позиции, которая, однако, имела довольно сильные оборонительные возможности.

С началом Первой мировой войны Гродно стал важной операционной базой русских войск. Крепость, находясь на подступах к Восточной Пруссии, должна была играть роль пункта формирования, размещения и обучения частей, отправляющихся на фронт, а также оказывать материальную и моральную поддержку русским войскам, которые вели боевые действия в Восточной Пруссии. После разгрома русских войск в Восточной Пруссии в конце августа 1914 г., в районе Августов–Гродно–Осовец сосредоточилась 10-я русская армия, которая была создана для стабилизации фронта на этом участке. В Гродно разместился штаб армии, а крепостные склады, казармы и лагеря стали базой материального обеспечения армии. В сентябре 1914 г. германские войска приблизились

к крепостной позиции, однако в результате успешных действий русских войск были вынуждены отступить к границе.

Следующим этапом участия крепости в войне стала Августовская операция (в немецкой литературе «Зимнее сражение в Мазурии») – поражение 10-й армии Северо-Западного фронта, в результате которого, при отступлении из Восточной Пруссии в феврале 1915 г., в Августовских лесах был окружен XX армейский корпус. Крепость сыграла важнейшую роль в обеспечении 10-й армии, втянутой в тяжелые бои в Восточной Пруссии зимой 1915 г. Однако в результате отступления русских войск немцам удалось выйти на крепостные позиции и окружить части XX армейского корпуса. Причинами гибели XX корпуса называются просчеты высшего командования, неумелое руководство командира корпуса, физическая усталость людей. Безусловно, нерешительность командования 10-й армии и боязнь коменданта ослабить крепостные позиции не позволили большинству солдат и офицеров XX корпуса вырваться из окружения. Если бы войска, посланные из Гродненской крепости, заняли передовые позиции раньше, чем туда вышли немцы, XX корпус был бы спасен и 12 русских генералов и сотни солдат и офицеров не испытали горечь плена.

Последний этап участия Гродненской крепости в боевых действиях Первой мировой войны связан с «Великим отступлением» летом 1915 г. В результате успешного наступления германских войск в Карпатах и под Праснышем русскими войсками была оставлена практически вся Польша. 5 августа 1915 г. германские войска вошли в Варшаву, в июле – первой половине августа 1915 г. были оставлены крепости Ивангород, Осовец, Новогеоргиевск, Ковно и Брест-Литовск. В середине августа 1915 г. начались бои за крепость Гродно. Необходимо отметить, что благодаря способу возведения укреплений способом «метаморфозного зодчества» и широкого использования полевой фортификации, Гродно представлял собой достаточно сильную крепостную позицию. Наличие значительного количества артиллерии и войск давало возможность русскому командованию успешно вести оборонительные бои. Однако общая стратегическая обстановка на фронте, деморализация русского командования и войск, угроза обхода Гродно с флангов и окружения находящихся там войск не способствовали длительной обороне города. Бои за крепость были упорными, но скоротечными, и войска отступили по приказу главнокомандования, уничтожив крепостные позиции и эвакуировав значительную часть имущества. Это было правильное решение, поскольку угроза повторения Августовской трагедии зимы 1915 г. была вполне реальна.

Русская 1-я армия после боев в Гродненской крепости отступила в восточном направлении на 25-30 км, а командование армии переместилось в г. Лиду. Оборонительный рубеж армии опирался на природные препятствия и проходил по линии дер. Поречье – д. Озёры – р. Пыра – р. Котра (д. Скидель) – р. Неман (у дер. Мазаново) и удерживался русскими войсками до конца августа 1915 г. Однако в ходе Виленской оборонительной операции 10-й и 5-й армий Западного фронта русские войска были вынуждены отступить еще далее на восток на рубеж рек Березина – Сервечь.

Виленская оборонительная операция проводилась в период 9 августа – 19 сентября 1915 г. и была следствием взятия 9 августа крепости Ковно и прорыва 10-й германской армии (командующий генерал Г. Эйхгорн) в междуречье рек Вилии и Неман. Перед германскими войсками ставилась задача обойти г. Вильно с севера и окружить главные силы 10-й русской армии (командующий генерал Е. А. Радкевич), сосредоточенные в плотной группировке к северо-западу от Вильно. Натиск германских войск заставил российское командование усилить этот участок фронта тремя корпусами. Удержав район Вильно, российские войска во встречных боях, продолжавшихся до начала сентября, нанесли противнику большой урон. Так как германские войска не смогли прорвать российскую оборону, германское командование, усилив свою 10-ю армию резервами, начало 27 августа наступление на г. Свенцяны, в стык 5-й (командующий генерал П. А. Плеве) и 10-й армий. Эти действия получили название Свенцянского прорыва. С севера и юга 10-ю германскую армию поддерживали Неманская и 8-я армии.

28 августа германским войскам удалось прорвать российскую оборону севернее Вилькомира. В прорыв были введены 6 кавалерийских дивизий, которые отбросили находившуюся здесь немногочисленную российскую конницу и устремились в район Вилейки, Молодечно. 1 сентября германские войска овладели Вилейкой и подошли к Молодечно, передовые отряды достигли железной дороги восточнее Минска. Однако к этому времени натиск германской кавалерии, лишенной поддержки пехоты и артиллерии, ослаб, и 2–3 сентября она была остановлена частями вновь сформированной 2-й русской армии. В дальнейшем российские войска нанесли контрудар по прорвавшейся группировке противника, разгромили германскую кавалерию и отбросили ее из района Молодечно к озеру Нарочь. К 19 сентября 1915 г. Свенцянский прорыв был локализован российскими войсками на линии озеро Дрисвяты, озеро Нарочь, Сморгонь. Наступал период стабилизации фронта и позиционной войны, завершившийся подписанием перемирия в ноябре 1917 г.

Первая мировая война стала для крепостей всех воюющих стран боевым экзаменом, который они не выдержали. Оставлением почти без боя Гродно и Брест-Литовска завершилась история долговременной фортификации с крепостью как основным элементом. Их сдача была по существу признанием бесполезности крепостей, изолированных от армии и оставляемых в тылу у противника. Причина непригодности одиночных крепостей заключалась в том, что они уже не отвечали прежней стратегии ведения войны. Многочисленные армии, развернутые на больших ТВД, обходили такие крепости. Для их остановки требовались сплошные укрепленные позиции или полосы. Новой формой фортификационного укрепления границ европейских стран в междувоенный период стали укрепленные районы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Піваварчык, С. А. Беларускія землі ў планах фартыфікацыйнага ўмацавання заходняй мяжы Расійскай імперыі (1795–1915) / С. А. Піваварчык // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1% Гісторыя. Паліталогія. Філасофія. Сацыялогія. Правазнаўства. Філалогія. – 2002. – № 2. – С. 16–22.
2. Долговременная фортификация. Часть первая. История долговременной фортификации – Москва: Военно-инженерная Краснознаменная академия РККА имени В. В. Куйбышева, 1952. – 580 с.
3. Яковлев, В. В. История крепостей / В. В. Яковлев. – Москва: Аст; Полигон. – 2000. – 400 с.
4. Заянчковский, А. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов / А. Заянчковский. – Москва: Военное издательство, 1915 – 429 с.
5. Пацюнас, А. Ад войны у Ковенской крепости. 1915 год / А. Пацюнас – Вильнюс, Институт военного наследия, 2012. – 178 с.
6. Лидерс, И. А. Описание крепости Брест-Литовск, ее мобилизации в 1914 г. и эвакуации в 1915 г. (машинопись) / И. А. Лидерс // Мемориальный комплекс “Брестская крепость-герой”.
7. Chromych, L. Twierdza Brześć-Litewski w latach I wojny światowej / L. Chromych // Twierdzie i działania wojenne na ziemiach polskich w czasie I wojny światowej: Materiały z międzynar. konf. nauk., Osowec / Osowieckie Towarzystwo Fortyfikacyjne – Białystok, 2000. – S. 181–210.
8. Jastrzębski, J. Z praktyki saperskiej w twierdzy Grodno w r. 1914-1915 / J. Jastrzębski // Przegląd Wojskowo-Techniczny. – 1933. – Т. XIII, з. 2. – S. 70–72.
9. Лютик, Д. Неизвестная крепость Российской империи. Историческая реконструкция событий / Д. Лютик, С. Пивоварчик, А. Семенчук. – Гродно: ЮрСаПринт, 2014.
10. Perzyk, B. Twierdza Osowiec. 1882-1915. – Warszawa, 2004.
11. Wap, A. Twierdza Osowiec. Zarys dziejow. – Białystok, 1994.

НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – РАЗРУШЕННОЕ И УТРАЧЕННОЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Война всегда несет невосполнимые потери. Прежде всего, это конечно жизни солдат и мирного населения конфликтующих сторон. Но не только жизни миллионов людей искалечила и унесла Первая мировая война (ПМВ) – были также безвозвратно утеряны многие материальные объекты, имевшие важное мемориально-историческое, воспитательно-идеологическое и культурное значение, то, что принято называть национальным достоянием.

Известный специалист в теории и истории архитектуры Ю.Н. Кишик в книге «Генеральные планы исторических центров городов. Гродно» справедливо отмечает, что «массовая утрата памятников архитектуры в недавнем прошлом стала переживаться как национальная трагедия. В этих условиях воссоздание – по примеру воссоздания Храма Христа Спасителя в Москве – стало рассматриваться как символ возрождения национальной идеи...». При этом «истинное уважение к историко-культурным ценностям требует понимания невосполнимости утрат, а не ощущения того, что все легко можно «воссоздать» [1, с. 232].

Такое уважение, на наш взгляд, подразумевает всестороннее изучение и разумное увековечивание памяти об этом утраченном наследии – ведь известно, что грамотно законсервированные аутентичные руины исторических объектов (или мемориальные знаки на месте, где они находились) несут иную энергетику по сравнению с «воссозданными» на их месте новоделами.

Если открыть 2-й том фундаментальной монографии Романа Афтаназы [2], то с первых страниц становится понятным масштаб невосполнимых утрат, нанесенных историческим объектам на территории бывшей Гродненской губернии в годы ПМВ.

Значительная часть этих объектов – дворцово-парковых и усадебных комплексов, замков, монастырей, храмов, о которых мы можем судить по немногочисленным фотографиям до 1914 г., связана с историческими именами и событиями, игравшими важную роль в нашей истории.

В рамках этой работы мы рассмотрим только лишь два примера – замковый комплекс в Крево и здание архивного павильона в бывшей резиденции Чарторыйских-Понятовских в Волчине.

Благодаря литературному наследию Юлиана Урсын Немцевича, а также некоторым другим немногочисленным источникам, мы можем представить, как выглядел Волчинский дворцово-парковый ансамбль в период своего расцвета.

Вот, что отметил Юлиан Урсын Немцевич в своих мемуарах: *«...1777 г. В это же время получил мой отец от князя Чарторыйского из Волчина приглашение, чтобы навестить его. Был там большой съезд по причине ожидаемого прибытия короля Станислава Августа. Все Брест-Литовское воеводство съехало в Волчин. Мои родители, взяв меня с собой, также туда прибыли. Дворец одноэтажный обширный, с несколькими флигелями, и тремя внутренними дворами для прислуги и гостей. Комнаты богато обставлены, с большими портретами Августа II и III, портрет Карла XП, портреты отца и матери короля. Мать короля изображена обучающей на географической карте маленького мальчика в белом жупанчике, и темно-красном контушике. Мальчик этот был правящий позже Станислав Август. Король родился здесь в Волчине, в мурованом доме, отдалённом от дворца, неподалёку костелика...»*

Впоследствии это здание стало именоваться архивным павильоном, служило библиотекой в несколько тысяч томов и архивом, включающим архив волынский с древними актами Волынского воеводства. Ещё в течение нескольких десятков лет здесь показывали «королевскую комнату» с мебелью, сохранившейся, по легенде, без изменений от рождения Станислава Августа. *«...Комната именовалась королевской, в ней сохраня-*

лась прежняя обстановка: камин, комод французской работы, кресла, на стенах картины. Висела мраморная доска с соответствующей надписью; вторая аналогичная имела на стене дома со стороны парка...»

Конец лета и осень 1777 года провел юный Юлиан Урсин Немцевич в Волчине, владеец которого князь Адам Чарторыйский постепенно привлекал его к работе с документами и переводам с иностранных языков.

К началу Первой мировой войны Волчинская резиденция практически утратила свое прежнее величие – дворец еще в первой половине XIX века был разобран Каролиной Пусловской и увезен в ее имение Леошки под Березой, земли имения были распарцеллированы, а уникальный парк вырублен на дрова предприимчивым евреем по фамилии Брамс. Уцелела лишь часть гидросистемы парка, костел и каменное здание архива [4-6, 9, 10].

В августе 1915 года основная часть населения покинула Волчин «в беженство». Тяжело было оставлять родные дома и землю, бежать в неизвестность. Нелегко было, впоследствии, и возвращаться обратно – уже в другую страну – Польшу, заново строить жизнь, восстанавливать хозяйство.

Война окончательно уничтожила остатки бывшей резиденции Понятовских–Чарторыйских – разрушен архивный павильон, бывшая канцелярия, пропал механизм часов со здания костела.

То, что осталось в Волчине от исторического здания бывшего архива, видно на фотографии, опубликованной несколько лет назад Богданом Нелюбовичем [10].

Фото 1 – Здание бывшего архива в Волчине. Парковый фасад. 1908 г.

Фото 2 – Руины бывшего архива в Волчине. 192(?) г.

О том, кто и как в годы войны разрушил это здание в Волчине, авторам неизвестно. Общеизвестно другое – то, что отступавшая в 1915 году на восток Российская императорская армия действовала везде примерно одинаково, по утвержденной стратегии и тактике «выжженной земли».

В течение немногих последующих лет руины архива постепенно разобрали до основания на кирпич, оставив потомкам лишь единственного безмолвного свидетеля былого величия княжеской резиденции – костел Св. Троицы.

Авторами данной работы с 2005 года велась планомерная работа по поиску иконографической информации, связанной со зданием бывшего архивного павильона. Большой удачей была находка публикации фотографий из архива Богдана Нелюбовича [10]. Безусловно, должны быть (и обязательно где-то есть!) и другие фотографии этого здания до 1914 г. И вот новая удача: в 2017 году А. Д. Никитчик обнаружил ссылку [11] на хранящуюся в литовском архиве картину неизвестного художника, на которой, без сомнения, изображен разрушенный в Первую мировую войну архивный павильон бывшей резиденции Понятовских-Чарторыйских в Волчине, первое «официальное рабочее место» Юлиана Урсин Немцевича.

Второй объект исследования данной работы – замковый комплекс в Крево. Это объект совершенно другого масштаба – и исторического, и материального. Но есть и то, что их объединяет. Как аутентичные материальные объекты, имевшие важное мемориально-историческое, воспитательно-идеологическое и культурное значение, то, что принято называть национальным достоянием, они были практически полностью разрушены в годы ПМВ.

Любопытно, что и в Волчине и в Крево, в непосредственной близости от разрушенных войной исторических объектов, расположены Св. Николаевские храмы, которые в разные моменты истории были и католическими костелами, и православными церквями.

Построенный в начале XIV века великим литовским князем Ольгердом Кревский замок был свидетелем многих важнейших исторических событий. Именно здесь в 1375 г. был подписан юридический документ, повлиявший на ход всей европейской истории – акт Кревской унии [12].

За семь веков существования Кревский замок не раз становился ареной борьбы за власть. Здесь решалась судьба государств, объединялись известные королевские династии. Одно из старейших оборонительных сооружений на территории Беларуси брали в осаду мятежные князья, московские воеводы, перекопские татары. Но больше всего Кревский замок пострадал в годы Первой мировой войны. Почти два с половиной года – с сентября 1915-го по февраль 1918 года – по нему проходила линия фронта.

Сегодняшний вид Кревского замка – почти такой, как и сто лет назад – в 1917 году. Хроника его разрушения запечатлена на уникальных фотографиях из альбома непосредственного участника событий – немецкого офицера Фрица Хофмана. Этот альбом,

из коллекции известного исследователя ПМВ, журналиста Владимира Богданова, в этом году экспонировался в Национальном историческом музее в Минске.

Нынешнее, разрушенное и безвозвратно потерянное состояние замка – прямой результат Первой мировой войны. Известна точная дата, когда Кревский замковый комплекс был практически разрушен – 21 июля 1917 года.

Последний бой, который превратил его в руины, детально описал русский генерал Антон Деникин, командовавший Западным фронтом российской армии.

Согласно плану действий на 1917 год, командование российской армии начало подготовку очередного решительного наступления. Для главного удара был выбран участок Сморгонь – Крево, с тем, чтобы, прорвав германскую оборону, выйти к Вильно. Операцию готовили очень серьезно. Еще никогда российская армия не собирала к месту прорыва более мощной артиллерии – около 800 орудий различного калибра. На позиции под Крево даже доставили через Мурманск и Владивосток с заводов в Англии и Америке пушки с дальностью стрельбы более 20 км. Всем батареям выделили дополнительное количество боеприпасов для проведения артподготовки, способной разрушить мощные немецкие укрепления.

Операция началась 19 июля и продолжалась четыре дня, три из которых ушли на артподготовку. Причем уже после первых обстрелов позиций противника Деникин, который руководил с наблюдательного пункта 38-го армейского корпуса, остался недоволен огнем артиллерии и потребовал его усиления.

Более мощного огня по позициям противника российская армия не вела еще никогда. Плотность его усиливалась с каждым днем и достигла пика 21 июля. Под ураганный удар артиллерии XX века попал и средневековый замок.

Известно, что, несмотря на все усилия, эта операция не принесла успеха российской армии. После трехдневной артподготовки войска пошли в атаку, сумели занять ряд немецких оборонительных линий и продвинулись на несколько километров вперед. Однако дальнейшего развития наступление не получило. К тому времени в армии уже всю шла революционная агитация, стремительно падала дисциплина. Солдаты, находившиеся под влиянием бесконечных митингов и уставшие от войны, просто отказывались идти в бой. Спустя несколько дней немцы вернули все свои утраченные позиции.

Вскоре в России произошла революция, а в декабре 1917 г. было подписано соглашение о перемирии, на время которого боевые действия прекратились полностью [13].

После заключения Рижского мирного договора в 1921 году Кревский замок, так же как и Волчин, оказался в составе Польши. Понимая историческую ценность этого объекта, польские власти провели в 1929 году консервацию остатков Княжеской башни. Но до реставрации тогда дело так и не дошло. В советский период белорусской истории руинами замка интересовались только исследователи и краеведы и его даже едва не уничтожили окончательно.

В настоящее время Кревский замок имеет статус историко-культурной ценности – памятника государственного значения и является одним из самых известных туристических мест в Беларуси. Однако единого мнения, как спасти удивительный исторический объект от постепенного разрушения временем ни у специалистов, ни ответственных за культуру чиновников на сегодняшний день нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кишик, Ю. Н. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно: пособие проектировщику / Ю. Н. Кишик. – Минск: Минсктиппроект, 2007. – 283 с.
2. Aftanazi, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. – Т. 2. – S. 157.
3. Niemcewicz, J. U. Pamiętniki czasow moich. / Opr. Jan Dihm. – W.: Państwowy instytut wydawniczy, 1957. – Т. 1.
4. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук; ред. Т. Г. Мартыненко. – Минск: БелЭн, 2004. – 576 с.

5. Arciszewski, W. Wolczyn dawni I dzis // Rocznik ziem wschodnich na rok 1938. – Warszawa, 1939. – S. 181–186.
6. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзя. – Минск: БЕЛТА, 2002. – С. 167–169.
7. Szpilewski, G. Wolczyn // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego I innych krajów słowanskich. – Warszawa, 1893. – Т. 13. – S. 865–867.
8. Watroba, P. Nieznany plan założenia palacowo-parkowego ksezonej Eleonory Michalowej Cartoryskiej w Wolczyne // Ikonotheka: Prace Instytutu Historii Sztuki uniwersytetu Warszawskiego. – 2000. – № 14. – S. 35–48.
9. Басов, С. В. Волчинская резиденция Понятовских-Чарторыйских глазами Юлиана Урсын Немцевича и его современников / С. В. Басов, Г. М. Качановская // Юльян Урсын Нямцевіч: асоба у кантэксце часу. Да 250-годдзя з дня нараджэння : матырыялы Міжнар. нав.-практычн. канферэнцыі, 30–31 мая 2008 г. – Брэст: ААТ «Брэсцкая друкарня», 2008. – С. 207–212.
10. Nielubowicz, B. Król urodził się w archiwum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kresy24.pl>. – Дата доступа: 15.03.2013.
11. Nežinomas Lietuvos XIX a. pr. dailininkas. Volčino dviejų aukštų rūmai. XIX a. pr. Medis, aliejus, h/pl. - 25x37 cm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epaveldas.lt/object/recordDescription/LDM/1_954202. – Дата доступа: 10.09.2017.
12. Исчезающее наследие Беларуси: Кревский замок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/216036.html>. – Дата доступа: 12.09.2017.
13. Кревский замок может исчезнуть навсегда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zviazda.by/ru/news/20170726/1501067015-krevskiy-zamok-mozhet-ischeznut-navsegda>. – Дата доступа: 12.09.2017.

ЛЕСИН А. А.

Национальный исторический музей Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

«МЫ СОЗДАЁМ НОВЫЙ МИР»: ХУДОЖНИКИ-МОДЕРНИСТЫ – УЧАСТНИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война для современников означала конец того мироздания, каким оно было до 1914 года. Чувство распада, гибели старого и мучительного рождения нового мира самым ярким образом проявилось в искусстве 1910-х годов. Батальная живопись, какой она являлась раньше, даже честная и реалистическая, не могла передать дух эпохи, атмосферу невиданной ранее мировой бойни, эмоции её участников. Потребовались самые передовые методы и взгляды, которыми обладала культура начала XX века. Поэтому ярчайшие художественные свидетельства Первой мировой были созданы художниками-модернистами, которые своими глазами наблюдали войну и передавали впечатления от увиденного либо непосредственно в военные годы, либо вскоре после них.

Предлагаемая вниманию читателей статья создавалась не как некий глубокий культурологический анализ отображения Первой мировой войны в живописи. Автор поставил своей задачей дать краткий очерк того, какими увидели трагические события войны некоторые из художников-модернистов, лично принимавшие в ней участие и впусившие тот кошмар в свои души. В качестве примера были взяты популярные, главным образом, в англоязычном мире английские живописцы Кристофер Невинсон и Пол Нэш, а также всемирно известный немецкий художник-экспрессионист Отто Дикс. Все трое попали на войну совсем молодыми людьми, практически не имевшими жизненного и творческого опыта, и военные годы стали для них не только потрясением, но и временем обретения зрелости, поиска своего художественного языка.

Кристофер Невинсон (1889–1946) до войны некоторое время жил в Париже, где вращался в богемных кругах. Он относил себя к творческому движению вортицистов - оригинальной британской художественной школе, близкой к футуризму. Уже осенью 1914 г. Невинсон добровольно отправился на Западный фронт, где несколько месяцев служил санитаром и шофером санитарного автомобиля. Ещё в 1915 г., во время службы санитаром в Лондоне, Невинсон начал писать картины, отразившие его фронтовой опыт. А годом позже, уволившись из армии, он полностью сконцентрировался на живописи. Молодой автор громко заявил о себе рядом ярких и оригинальных работ, которые произвели настоящий фурор на лондонских выставках. Мрачные и шокирующие произведения, созданные в модернистском стиле, привлекли внимание публики, заслужили громкие отзывы прессы и охотно покупались известными коллекционерами. Так, сразу же после появления в 1915 году картины «La Mitrailleuse» (фр. – «Пулемёт») известный художник и авторитетный критик Уолтер Сиклер восторженно назвал её *«самым впечатляющим и концентрированным изображением войны в истории живописи»* [1].

Весной 1917 года Невинсон стал официальным военным художником при Департаменте информации Великобритании и вскоре на правах военного корреспондента отправился на Западный фронт. Он посетил действующую британскую армию с коротким, но весьма насыщенным визитом, который дал ему много нового материала. В работах Невинсона, созданных в роли официального художника, его стиль, по сравнению с более ранними модернистскими картинами, эволюционировал в сторону некоторой простоты и большей понятности широкой аудитории. Стоит отметить, что эта эволюция нашла понимание далеко не у всех критиков, хотя ни малейших поводов упрекнуть себя в конформизме Невинсон не давал.

О твердости позиций художника убедительно говорила картина «Пути славы» представленная публике весной 1918 г. Ее название было взято из строки английского поэта XVIII века Томаса Грея, которая полностью звучала так: *«Пути славы ведут к смерти»*. Автор с мрачной иронией изобразил на полотне тела двух мертвых британских солдат, лежащие у колючей проволоки. В 1918 г. Невинсон снова появился на фронте, после чего взялся за написание картины для так называемого «Зала памяти» – выставочного проекта британского Министерства информации. Результатом долгого труда стала огромная картина «Урожай битвы», представленная публике весной 1919 г. и запечатлевшая кошмарный фронтовой пейзаж, залитую грязью и усеянную воронками нейтральную полосу, по которой ковыляют в тыл раненые победители-англичане и побежденные-немцы.

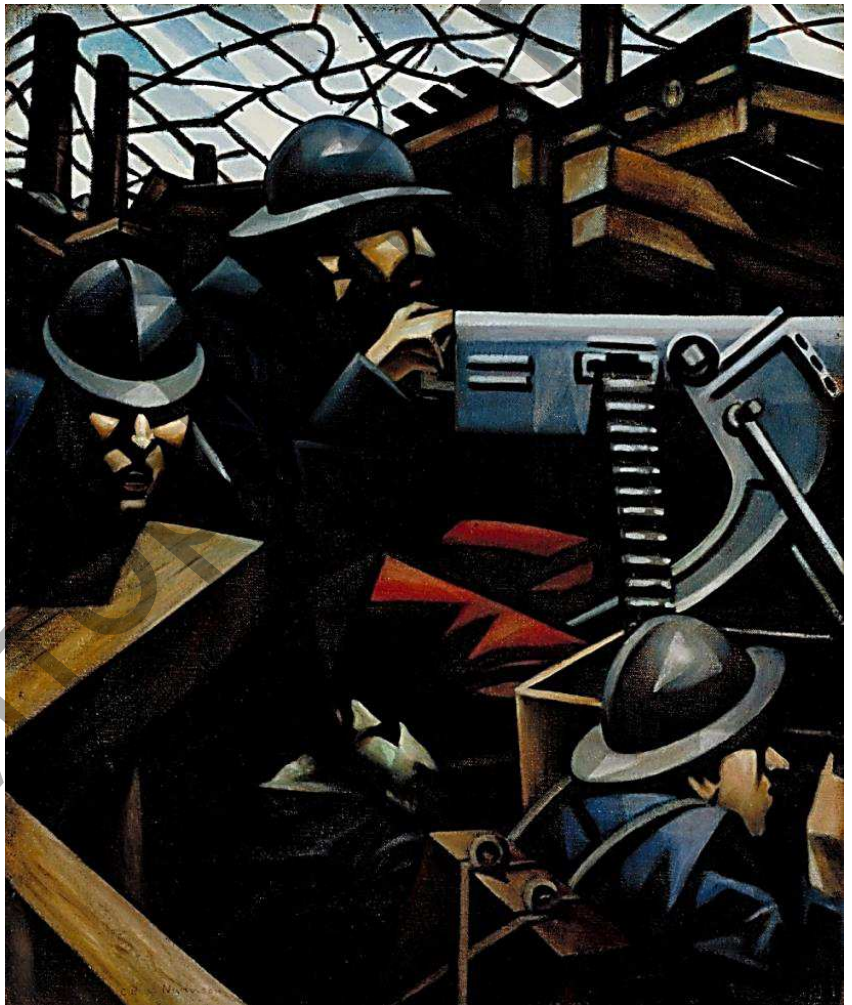

Рисунок 1 - Кристофер Невинсон «La Mitrailleuse»

К моменту завершения Первой мировой войны Невинсон находился в расцвете творческих сил, но его звезда довольно быстро закатилась. Он плодотворно работал, но уже в 20-е годы вышел из моды, хотя его имя оставалось на слуху и в межвоенный период.

Пол Нэш (1889–1946) до войны заявил о себе как многообещающий пейзажист. Осенью 1914 г. он записался добровольцем в армию, но лишь в феврале 1917 г. попал на Западный фронт, где провел несколько месяцев и был эвакуирован с боевой травмой. Находясь на

Рисунок 2 – Пол Нэш «Мы создаём новый мир»

излечении в Лондоне, Нэш создал серию графических работ, запечатлевших фронтовые пейзажи в модернистском стиле. Рисунки вызвали интерес у знатоков живописи и были представлены на выставках. После этого старый приятель Нэша Кристофер Невинсон предложил своему другу присоединиться к Департаменту информации и стать официальным военным художником. Предложение было принято.

В ноябре-декабре 1917 г. Нэш находился в творческой командировке на фронте, где застал финальные бои печально известного сражения за Пашендаля. Увиденное произвело на живописца огромное впечатление. За месяц Нэш сделал около полусотни набросков и рисунков, которые стали ценным материалом при создании самых известных его картин, считающихся шедеврами британской живописи XX века.

На основе акварельного рисунка, запечатлевшего восход солнца над полем боя у Ипра, в 1918 г. Нэш создал картину, ставшую в англоязычном мире одним из визуальных символов Первой мировой войны. Название «Мы создаём новый мир» звучит мрачной иронией, ведь художник изобразил на холсте изуродованную, изрытую снарядами землю с мёртвыми деревьями. И всё же, разглядывая эту картину, нельзя не подумать, что миллионы людей в те годы верили: их страдания не напрасны, и они ведут «войну, которая положит конец всем войнам».

Весной 1918 г. Нэш согласился участвовать в мемориальном выставочном проекте «Зал памяти». Темой своей работы художник вновь выбрал одно из полей сражений у Пашендаля. Итогом долгого труда стала огромная (317 на 182 см) картина с простым названием «Менинская дорога», завершённая в начале 1919 г., уже после окончания войны. Нэш изобразил место упорных боёв лета-осени 1917 г. в виде кошмарного, потрясающего воображение лабиринта, утратившего всякое сходство с живой природой. Этот безумный пейзаж общепризнанно считается одним из лучших изображений Первой мировой войны в живописи.

Свое творческое кредо Нэш описывал в одном из писем следующими словами: «Как тяжело оставить всё в стороне и заставить себя погрузиться в эти фландрские пустоши, мучения, жестокость и ужас войны. У того, чем я занимаюсь, может быть только одно оправдание – если я смогу лишить войну последнего клочка славы, последнего проблеска очарования» [2, с. 34].

После окончания Первой мировой войны Нэш остался достаточно востребованным живописцем. Примечательно, что он плодотворно работал как военный художник в годы Второй мировой войны, несмотря на слабое здоровье.

Отто Дикс (1891–1969) был студентом престижной Высшей школы изобразительных искусств в Дрездене, откуда в 1914 г. добровольцем ушел в армию. С 1915 г. и до конца войны молодой художник воевал пулемётчиком на Западном фронте. За бои на Сомме в 1916 г. он получил Железный крест II степени, пережил также и ранения. После заключения перемирия Дикс демобилизовался в звании вице-фельдфебеля и вернулся к творческой деятельности.

В первые мирные годы одной из главных тем творчества художника на какое-то время стало изображение калек войны. С одной стороны, физическое уродство само по себе привлекало эпатажного художника-модерниста. С другой стороны, картины, запечатлевшие трагедию инвалидов, пытавшихся вернуться к мирной жизни, имели очевидный социальный и гуманистический подтекст. Достаточно сказать, что после 1933 г. эти работы Дикса стали объектом яростного преследования со стороны нацистов как «клевета на героев войны». Ряд картин и рисунков Дикса, попавших в руки нацистских функционеров в 1930-е годы, бесследно пропали. Среди них была картина «Окоп», которую многие называли вершиной творчества художника.

В 1924 г. Дикс создал серию из 51 офорта, получившую простое название «Война». По мастерству, эмоциональному накалу и шокирующей искренности она стоит в одном ряду с легендарным циклом Гойи «Бедствия войны». Однако если Гойя наблюдал ужасы взаимного ожесточения эпохи наполеоновских войн со стороны, то пугающие офорты Дикса базировались на личном фронтовом опыте автора. Немецкий художник прошёл через ад и перенес на бумажные листы именно то, что видел своими собственными глазами.

Незадолго до смерти Дикс вспоминал в одном из интервью: *«В молодости ты совсем не понимаешь, как сильно на тебя всё это повлияло. Но даже годы спустя, как минимум еще десять лет, я снова и снова видел одни и те же самые сны, в которых я должен пробираться через разрушенные дома, среди непроходимых руин...»* [3]

Создав серию «Война», Дикс сказал о Первой мировой всё, что хотел, и почти десять лет эта тема не играла заметной роли в его творчестве. Но в мрачной атмосфере кризиса Веймарской республики, накануне и во время прихода к власти нацистов, Дикс вернулся к призракам своего прошлого. Триптих «Окопная война» (1932) можно назвать своеобразным эпилогом темы Первой мировой войны в творческой карьере художника, неким подведением итогов. В этом произведении Дикс блестяще использовал эстетику средневековой и ренессансной христианской живописи, сделав её актуальной для своей эпохи и наполнив религиозным смыслом кошмар механизированной тотальной войны XX века.

Уже после установления в Германии нацистского режима, в 1934 г., Дикс создал свою последнюю большую работу о Первой мировой войне – «Фландрия». Затем его заклеямили как представителя «дегенеративного искусства». Отто Дикс переехал в усадьбу на границе Германии и Швейцарии, где жил уединенной незаметной жизнью, удалившись во «внутреннюю эмиграцию». К теме Первой мировой войны художник уже более не возвращался.

Рисунок 3 – Отто Дикс «Штурмовая группа в газовом облаке» (из цикла «Война»)

Разумеется, что рассказ о художниках, которые прошли через Первую мировую войну и на творчество которых она повлияла, может быть долгим. Но и на примере работ трех авторов, рассмотренных в данной статье, хорошо видно, что модернистская живопись оказалась способна ярко, сильно и убедительно передать кошмар поразившей человечество катастрофы. И остается лишь сожалеть, что мечта о «войне, которая положит конец всем войнам», за которую отдали жизнь миллионы человек, так и осталась мечтой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mary Chamot, Dennis Farr, Martin Butlin. Christopher Richard Wynne Nevinson «La Mitrailleuse» 1915 [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.tate.org.uk/art/artworks/nevinson-la-mitrailleuse-n03177> – Date of access: 23.01.2018.
2. Art from the First World War / S. Bevan [et al.]. – London, IWM, 2014. – 64 p.
3. Henshaw, Mark The Art of War. Otto Dix's Der Krieg [War] cycle 1924 [Electronic resource] – Mode of access: <https://nga.gov.au/dix/index.cfm> – Date of access: 23.01.2018.
4. Imperial War Museums [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.iwm.org.uk/> – Date of access: 23.01.2018.
5. Tate [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.tate.org.uk/> – Date of access: 23.01.2018.
6. Die Otto Dix Stiftung [Electronic resource] – Mode of access: http://www.otto-dix.de/start_html – Date of access: 23.01.2018.
7. MoMA [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.moma.org/> – Date of access: 23.01.2018.

ЛИШИК В. В.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА УРСЫН НЕМЦЕВИЧЕЙ

Первая мировая война стала катализатором изменений в исторических судьбах не только крупных империй, государств, но и отдельных личностей. Миллионы человеческих судеб были втянуты в круговорот военных событий. Все земли Западной Беларуси были подвержены эвакуации, которая породила массовое бегство местного населения в глубь Российской империи. «Люди, прошедшие несколько войн и участвовавшие во многих кровавых сражениях, говорили мне, что никакие кошмары поля боя невозможно сравнить с ужасающей картиной бесконечного исхода мирного населения...» - писал в дневниках генерал от кавалерии В. И. Гурко.

Судьба беженцев коснулась и представителей рода Урсын Немцевичей. В ночь с 12 на 13 августа (по старому стилю) 1915 года ввиду наступления немецких войск российским военным командованием был отдан приказ об уничтожении фортов Брест-Литовской крепости и наиболее значимых зданий города и окрестностей, в том числе и усадьбы в Скоках. Супруга Яна Урсын Немцевича Софья, женщина энергичная и смелая, вместе с супругом оставалась в имении и сумела добиться от командира части казачков «слова чести», что он «не станет приспосабливаться к приказам» и дворец не будет взорван. Только после этого она с мужем покинула свое имение в Скоках, где к тому времени не оставалось ни одного жителя – все были эвакуированы в глубь России. Богатые интерьеры усадьбы, ценные вещи рода Немцевичей, документы и все имущество усадьбы было эвакуировано. В воспоминаниях уточняется, что вещи эвакуированы Калугу к знакомому генералу. Богатые интерьеры усадьбы, ценные вещи рода Немцевичей, документы и все имущество усадьбы было эвакуировано. Старший сын Яна Титуса Урсын Немцевича, Марцелий, в начале XX века обосновался в имении Князевичи Гродненской губернии и в период войны также уехал в глубь Российской империи. Важная тема

размещения в усадьбе принца Леопольда Баварского и подписания перемирия 15 декабря 1917 года в данной статье не описывается подробно, уступая место истории рода Урсин Немцевичей. После революции 1918 года в Германии и отъезда из Скоков принца Леопольда Баварского, при отступлении, немецкие войска разграбили усадьбу. Нужно дополнить, что принц Леопольд пробовал найти кого-нибудь из Немцевичей, чтобы передать им дворец в соответствующем виде, но это было невозможно.

Ветвь рода Урсин-Немцевичей проживала на территории Волынской губернии. В картотеке погибших есть сведения про умершего от болезни Урсин-Немцевича Федора, подполковника 115 Вольнонаемного обозначенного батальона, погибшего 13.02.1917 года. Также в архиве имеется выписка из метрической книги умерших за 1917 год, выданная из церкви 313 полевого запасного госпиталя по просьбе дочери умершего Натальи Александровны Вейхсерт. В ней значится: «14 октября 1917 года убит при крушении поезда обер-офицер при управлении интенданта 6 стрелковой дивизии Александр Петрович Урсин-Немцевич. Погребение совершил протоиерей Евстафий Лотоцкий на братском кладбище м. Пашканы в Румынии». Упоминается в источниках Немцевич Георгий Петрович, поручик, 44-й пехотный Камчатский полк. А также в источнике «Картотека Бюро по учету потерь» упоминается Немцевич Дмитрий Петрович, прапорщик, 280-й пехотный полк.

После двух войн, Первой мировой и советско-польской, Брест-Литовск оказался в руинах. По результатам Рижского договора отошёл к Польше и стал известен как «Брест над Бугом», центр Полесского воеводства. Были созданы городские органы самоуправления: избрана рада и образован магистрат. Последствия Первой мировой войны тяжело отразились на брестской земле. Многие здания Брест-Литовска были разрушены. Эвакуированные местные жители возвращались на свои родные места. Многие не застали своего жилья, сожженного в период ПМВ. Уже не первый раз городу и окружающим деревням приходилось отстраиваться заново. В этот период Ян Немцевич младший был избран первым президентом города Бреста и председателем Брестского отделения Союза помещиков. Он, вместе с образованными органами самоуправления, приступил к восстановлению города. В документах архива г. Бреста по делам Магистрата Брест-Литовска имеются следующие записи по личности хозяина усадьбы: *«Ян Урсин-Немцевич, 50 лет, римокатолик, землевладелец, образование – университетское, беспартийный. Должность Президента города Брест-Литовска с 13 ноября 1919 по 6 декабря 1922»*. Новые власти немедленно реагировали на нужды города, так как 7000 жителей проживали в жутких условиях. В конце апреля 1920 года продовольственный отдел магистрата, выдававший карточки на хлеб, зарегистрировал уже 26 430 жителей! Польское правительство выделило 63 386 280 злотых – ссуда жителям города на восстановление, ремонт и строительство домов, также деньги выделялись на ремонт недвижимости магистрата (городского управления), площадей, улиц, парков, мостов, канализационной системы.

После возвращения хозяина усадьбы Яна Урсин Немцевича осенью 1918 года в Скоки там кроме стен практически ничего не осталось, пропали во время революции скаканы. Важным источником в данный период по истории усадьбы д. Скоки являются воспоминания жителей деревни Скоки. Как рассказывает житель д. Скоки Роман Яковлевич Грицук: «Мы вернулись из беженства в 1918 году. Это были голодные годы. Мой отец говорил, что бесплатное питание детям обеспечили при содействии Немцевичей. Они также пригнали огромный американский трактор, чтобы распахать свои и крестьянские земли. Ничего плохого о панах Немцевичах я не слышал. На большие праздники, на Рождество поздравляли всех жителей, приглашали в усадебный парк и дарили подарки». Эти воспоминания относятся к периоду владения усадьбой Яна Урсина Немцевича. В последние годы жизни он болел. Выехав в 1933 году к дочери в Тулузу (Франция), Ян скоропостижно скончался 28 декабря и, скорее всего, был похоронен в семейной крипте Немцевичей в Скоках, которая была разграблена в 1939 году. Еще одним источником по межвоенному периоду истории усадьбы Немцевичей могут служить документы ГАБО, которые позволяют изучить состояние и площадь родового имения Немцевичей исходя из характеристик на крупных землевладельцев и их имения Брестского повета. Под на-

званием «Скоки», кроме самой деревни, в списках фигурируют еще два понятия: «имение Скоки» и «имение Скоки Двор» («Skoki Dwor»).

Последствия Первой мировой войны оказались одними из самых тяжелых для рода Урсын Немцевичей, их имений и всей брестской земли. Некоторые представители рода, упоминаемые в статье, погибли в войне. Скоковская усадьба в этот период не однажды разграблялась, готовилась к взрыву при отступлении русской армии в 1915 году, горела, так и не смогла возродиться в полной мере. Но вопреки истории и людям выстояла, сохранилась до наших дней и стала памятным зданием земли белорусской, в котором был основан и развивается сегодня музей «Усадьба Немцевичей». Деятельность одного из последних владельцев усадьбы, Яна Урсын Немцевича, была направлена на возрождение, как своей родной усадьбы, так и на участие в реконструкции пострадавшего в то время Брест-Литовска, что является важным фактом в истории 1000-летнего города Бреста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладышчук, А. А. Нямцэвічы. Сапраўдныя гісторыі: гісторыка – дакументальны нарыс / А. А. Гладышчук. – Мінск: Літаратура і Искусство, 2009. – 288 с.
2. Государственный архив Брестской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1022.
3. Государственный архив Брестской области. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 6560.
4. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2177. – Оп. 2. – Д. 46.
5. Воспоминания жителя д. Скоки Р. Грицука / Архив музея «Усадьба Немцевичей».
6. Niemcewicz, S. U. Moim wnukom : [история рода Немцевичей с конца XV века до 1979 года] / Niemcewicz W. U. Miscellanea oraz Wspomnienia własne dotyczące Niemcewiczów. – 2002. – Cz. V.
7. Юлиан Урсын Немцевич: жизнь и творчество: библиограф: материалы / Сост. Т. С. Ковенько, И. А. Павлючук, Х. Байковска. – Брест: ОАО «Брестская типография», 2007. – 56 с.
8. Гурко, В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. – М.: Центрполиграф, 2007. – 399 с.

ВОЮШ Р. В.

Учитель истории и обществоведения, педагог дополнительного образования, руководитель поисково-исследовательского клуба «Следопыт» государственного учреждения образования «Средняя школа №1 г. Полоцка»,
г. Полоцк, Республика Беларусь

Научный руководитель: Матус В. П., директор государственного учреждения образования «Средняя школа №1 г. Полоцка»

МЕМОРИАЛЬНЫЕ НАДПИСИ ГЕРМАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

В военных действиях, проходивших с 1915 по 1918 год на территории Беларуси, участвовали военнослужащие армий трех государств: Германии, Австро-Венгрии и России. При этом практика воинских захоронений того времени имела ряд особенностей. Достаточно часто, особенно это касается прифронтовой зоны, военнослужащих противоборствующих армий хоронили сразу после боев на кладбищах вместе [1, с. 308].

Сейчас в Беларуси имеется более 60 воинских кладбищ, братских могил, на которых в той или иной степени сохранились общие памятники, мемориалы, элементы каменных оград, ворота, выполненные непосредственно во время войны, либо в первые послевоенные годы [2, с. 6].

Практически все они находятся на немецких либо смешанных кладбищах. Из наиболее значительных и хорошо сохранившихся мемориалов стоит назвать расположенные на кладбищах в деревне Десятники Воложинского района (*Приложение 1*) и Нарочи Мядельского района (*Приложение 2*).

На кладбищах и братских могилах российских солдат общие памятники того периода сохранились лишь в единичных экземплярах – небольшие обелиски на татарском кладбище в г. Слониме, на гражданском кладбище в деревне Великая Лотва Ляховичского района, железный крест на братской могиле в деревне Долгиново Вилейского района.

Удивительно, но и спустя много лет после Первой мировой, удалось обнаружить несколько деревянных крестов на военных кладбищах, с большой долей вероятности относящихся еще к военному периоду (датировать их таким образом позволяют надписи на них, свидетельства местных жителей).

Уникальный деревянный крест, поставленный немцами в 1915 году на могиле героически погибших 86 российских солдат и 1 офицера (о чем на кресте была сделана надпись по-немецки), вплоть до начала XXI века стоял у деревни Ковалевка Островецкого района. Отрадно, что когда несколько лет назад на этом месте построили новый небольшой мемориал, раритетный объект сохранили – теперь отреставрированный деревянный крест находится внутри креста, сделанного из бетона.

С большой долей вероятности деревянные кресты того периода еще стоят на военных кладбищах у деревень Осиповичи и Осовцы Дрогичинского района, Константиново Мядельского района: местные жители уже много раз поднимали и укрепляли их.

Индивидуальные надгробья, выполненные в период Первой мировой и послевоенные годы, сохранились примерно на 25 воинских кладбищах. В основном они поставлены на могилах германских офицеров и солдат (кладбища в Проньках Мядельского района (*Приложение 3*), Борунах Ошмянского (*Приложение 4*), Войшовичах Воложинского).

Индивидуальные деревянные кресты, что удивительно, также обнаружены, но только два – крест немецкого солдата на кладбище в д. Ивашковцы Сморгонского района и крест с могилы трех российских солдат в лесу у деревни Крево того же района [3, с. 46].

В период с 1920-х до 1939 года все обновления на воинских кладбищах Первой мировой войны были связаны с крупной международной компанией по обустройству подобных мест. Всего кладбищ с бетонными индивидуальными надгробьями в стране насчитывается более 90 [4, с. 234].

Почти каждое германское воинское кладбище времен Первой мировой войны на территории Беларуси имело общий памятник с определенной монументальной надписью на немецком языке – эпитафией. До наших дней сохранилось достаточное количество таких памятников в разном состоянии. В ходе полевых экспедиций и туристских походов участниками объединения по интересам «Следопыт» государственного учреждения образования «Средняя школа №1 г. Полоцка» было обследовано более двух десятков различных надписей на немецком языке. Наибольшее количество читаемых эпитафий воспитанниками было обнаружено на территории Поставского (Витебская область), Сморгонского (Гродненская область), Мядельского и Воложинского районов (Минская область).

Каждая эпитафия несет определенную социолингвистическую нагрузку. Анализ сохранившихся текстов показал, что эпитафии имеют ряд особенностей:

1. Встречается несколько шрифтов в написании текстов эпитафий. В большинстве текстов использован шрифт «антиква». Антиква – класс типографских наборных шрифтов с засечками, появившийся в эпоху Возрождения в Западной Европе. В начале XX века в Германской империи был распространен из-за простоты начертаний (неофициально). На баварских мемориалах часто встречается готический шрифт написания эпитафий.
2. Перевод надписей на русский язык показал, что тексты носят клишированный характер только для воинских кладбищ, расположенных на одной территории. Также в данных текстах присутствует некая трафаретность мышления их создателей. Особенно это характерно для германских воинских захоронений прусских дивизий. Например, возле д. Проньки и д. Буйки Мядельского района надписи на мемориалах звучат следующим образом: «Героям 80-й резервной дивизии, Героям 250-го резервного полка, Героям 48-го пехотного полка» [5, с. 326].

В то же время, например, для баварских и саксонских монументальных надписей характерно полное разнообразие в выборе текста, стиля и шрифта написания.

3. Большая часть германских эпитафий обращена к погибшим военнослужащим определенного воинского подразделения кайзеровских войск в виде: «героям», «храбрым героям», «павшим воинам», «памяти товарищей» и др. Присутствуют некоторые исключения, например, на германском памятнике около бывшей д. Садовщина Мядельского района надпись гласит: «В память о войне 14-15-16» (*Приложение 5*).
4. Краткость и четкость построения фраз в текстах эпитафий.
5. Имеет место слитное написание всех слов в текстах надписей.
6. Почти каждая эпитафия включает текст с указанием даты или года установки (июль 1916, 1917). Это свидетельствует о том, что общие монументы и памятники павшим солдатам и офицерам были поставлены именно в годы войны.
7. Использовался не только немецкий язык. Встречаются эпитафии на немецком и русском языках. Так, в д. Невель Пинского района (*Приложение 6*) на бывшем воинском кладбище расположен памятник по-своему уникальный: на нем эпитафии и российским, и немецким солдатам на двух языках: «*Друзья и враги, смертью объединены*» и «*Воздвижень въ погибшихъ съ честью за отечество. 1917*» (сохранено русское дореволюционное правописание).
8. Иногда встречаются стихотворные эпитафии. Например, у д. Куты Сморгонского района сохранился высокий красный камень на месте бывшего воинского захоронения с цитатой от апостола Иоанна в стихотворной форме: «Я жив и вам дарую жизнь вечную!» [6, с. 38].
9. Немецкий язык надгробных надписей сохранил дореформенное правописание.

На месте захоронения у д. Подберезье Воложинского района находится уникальный памятник из камня, на котором готическим шрифтом типа «фрактур» (поздняя разновидность готического письма в Германии) нанесен текст эпитафии на немецком языке (предположительно баварский диалект), а над ней изображен германский воин в каске со скорбным лицом. Это единственный в Беларуси пример немецкого захоронения с изображением убитого. Видимо это был не рядовой солдат. Существует версия, что на памятнике изображен не конкретный человек, а обобщенный образ германского воина, нашедшего упокоения далеко от родной земли (*Приложение 7*).

В 20-30-е годы XX века на территории Западной Беларуси (входила в состав Польской республики) в рамках международной кампании польскими властями был осуществлен ряд мероприятий по обустройству и обновлению воинских захоронений времен Первой мировой войны. В массовом порядке деревянные кресты были заменены типовыми надгробиями двух видов – плоскими горизонтальными плитами в форме стилизованного креста либо вертикальными бетонными крестами (*Приложение 8*). По действующим тогда международным правилам, независимо от того, кто был похоронен на кладбищах – германские, австро-венгерские или российские военнослужащие, – надписи с крестов переносились на бетон на польском языке, то есть на языке той страны, на территории которой находились захоронения [7, с. 163]. Вместе с тем, в некоторых регионах на немецких кладбищах можно встретить надписи на таких плитах на немецком языке (к примеру, в Витебской области).

Поэтому индивидуальные надгробия солдат и унтер-офицеров германской армии носят стандартизированный характер и включают клишированные выбитые надписи на польском или немецком языках: воинское звание, имя и фамилия, номер воинской части, дата смерти.

На смешанных германо-российских воинских захоронениях часто встречаются надписи на польском языке «Неизвестный русский (российский) солдат» [7, с. 167].

В Мядельском районном музее Народной славы есть табличка с бывшего братского кладбища российских воинов, павших при германской газовой атаке. Надпись на ней: «*Не шумите, сосны зеленая, не будьте вы славныхъ героевъ*». По твердым знакам в окончаниях слов понятно и без помощи гида, что герои те — Первой, а не Второй мировой войны. Также в этом музее сохранилась металлическая мемориальная табличка с индивидуального надгробия российского артиллериста (*Приложение 9*), надпись на которой гласит: «*1-й Тяжелой Конной Батареи / Убитый въ бою 18 марта 1916 год / Ка-*

нонирь Устинь Никитичь Ермаковъ / Исполняющій свой долгъ и присягу / Спи Дарагой нашъ Таварешъ» (язык оригинала).

Недалеко от д. Гули (Мядельский район) на холме у дороги, в урочище Веселуха, находится братское захоронение российских солдат. На могиле сохранился оригинальный памятник времен Первой мировой войны с надписью: «Погибли Калужской дружины ратники / Дыдевич Митрофан / Шпак Даниил / Экбаум Андрей / Пали 3 августа 1916 г.» [5, с. 334]. Рядом с памятником установлен крест (*Приложение 10*).

Таким образом, большинство сохранившихся мемориальных надписей российских и германских надгробий представляют собой не только уникальный исторический источник по Первой мировой войне, но и память будущим поколениям о бессмысленности войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов, Б. В. Сто великих тайн Первой мировой / Б. В. Соколов. – М.: Вече, 2014. – 416 с. – (100 великих).
2. Белявина В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск.: Беларусь, 2013. – 398 с.: ил.
3. Последний приют солдата / А. В. Шарков [и др.]. – Минск: Звезда, 2014. – 208 с.: ил.
4. Сражения Великой войны 1914–1918 гг. на землях Беларуси: сборник. – Минск: Харвест, 2017. – 528 с.: ил.
5. Битва у Нарочи, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении. (Нарочская операция): мемориал / Авт. текста, сост. В. А. Богданов. – Брест: Полиграфика, 2016. – 376 с.: ил. – (Сражения Первой мировой войны на территории Беларуси).
6. Богданов, В. По следам Первой мировой войны в Беларуси: Сморгонский район: фотоальбом / Владимира Богданова. – Минск: Гольфстрим, 2007. – 63 с.
7. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага р-на. – Мінск: Выш. шк., 1999. – 846 с.: іл.

ДЕМЕНТЬЕВ В. Р.

Педагог дополнительного образования, ГУО «Средняя школа №1 г. Полоцка»
г. Полоцк, Республика Беларусь

ТОПОНИМИКА МЕСТ БОЕВ НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ НАРОЧАНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ МАРТА 1916 ГОДА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ПОСТАВСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Бои под г. Поставы Витебской области в ходе Нарочанской наступательной операции марта 1916 года вошли в историю Первой мировой войны на территории нашей страны как одни из самых кровопролитных. После первых двух дней боев русские дивизии прорывают фронт обороны германской армии, германцы отброшены на 2–3 километра на вторую линию, но началась распутица, поле боя превратилось в огромное болото, траншеи были залиты водой, прекратился подвоз боеприпасов, продовольствия, раненые бойцы умирали в залитых водой траншеях и блиндажах, замерзали, тщетно ожидая помощи. 47 тысяч убитых, раненых и пропавших без вести – потери группы генерала Плешкова на подступах к Поставам, все окрестные селения и местечки были заняты под лазареты, многочисленные кладбища покрыли землю Поставщины.

За 4 года работы по этой тематике мы около 40 раз приезжали в эти места под Поставами, изучая события тех далеких времен, и каждый раз находили что-то новое. Мы прошли практически всю линию фронта от северного участка под заброшенной деревней Вилейты до озера Воронеж на юге Поставского района, где происходили основные события наступательной операции. Беседовали с местными жителями деревень, выявили ряд топонимов антропогенного характера, которые прочно вошли в обиход местного населения именно после событий марта 1916 года. Актуальность данной темы заключается в том, что, несмотря на наличие огромного наследия Первой мировой войны в данном рай-

оне, детальное изучение его практически не проводилось и интерактивная карта не составлялась. В то же самое время изучение событий той далекой войны по местным названиям некоторых объектов, которые располагаются компактно и на небольшой территории, могло привести к созданию интересного республиканского, а может быть, и международного маршрута «По линии фронта Великой войны в Поставском районе Витебской области». Поэтому **цель работы** – на основе походов и экспедиций провести разностороннее исследование этих мест на предмет влияния военных событий марта 1916 года на возникновение топонимов антропогенного характера, которые вошли в местный обиход и стали неотъемлемой частью повседневной жизни местного населения. В работе над темой **решались также и следующие задачи** – выявить основные топонимы антропогенного военного ландшафта участка севернее Постав для краеведческих исследований по теме «Нарочанская наступательная операция марта 1916 года; изучить литературные источники и картографический материал с целью сбора наиболее полных сведений о Нарочанской наступательной операции марта 1916 года на севере Поставского района и ее территориальную конкретику в границах стратегического треугольника Вилейты – оз. Мажейки – Ярево; провести анализ полученных в ходе исследований данных и выработать предложения по их использованию в туристско-краеведческой и поисковой работе; описать основные топонимы, характерные данным местностям, и их использование в повседневной жизни местного населения и в хозяйственной деятельности.

Результаты и их обсуждение. На первом этапе реализации данного проекта были проведены полевые исследования во время туристических походов и экспедиций в данный район, в ходе которых изучалась линия фронта Первой мировой войны в районе оз. Воронец, южнее г. Поставы с выходом к д. Мажейки северо-западнее г. Поставы, в треугольнике д. Вилейты – д. Ярево – д. Мажейки. Здесь в беседах с местными жителями впервые прозвучали некоторые местные названия тех или иных объектов, которые можно было связать с событиями Первой мировой войны. На втором этапе мы тщательно изучили собранный краеведческий и фотоматериал, разделили его на два направления; первая группа изучала архивные доступные материалы, работали в Молодечненском зональном архиве, консультировались в обществе «Крокі», посетили д. Забродье, где Б. Б. Титовичем собран уникальный материал об истории этой далекой войны. Руководители проекта работали в Национальном архиве РБ. Вторая группа просматривала доступную литературу по данным вопросам и интернет-ресурсы на выявление информации по интересующим нас вопросам, а именно: возникновение топонимов антропогенного военного характера в данном районе и причины их возникновения. Параллельно с этой работой регулярно проводились походы и краеведческие экспедиции по местам боев Первой мировой войны в районы проведения Нарочанской наступательной операции марта 1916 года в ТОК «Нарочь», Мядельский район Минской области, а также провели исследование возникновения похожих названий на территории Сморгонского района Гродненской области и Воложинского района Минской области. Интересным материалом поделились краеведы и исследователи Брестской области во время участия нашей делегации в работе международных конференций в д. Скоки Брестской области.

Все это позволило выделить основные топонимы антропогенного характера на местах боев северо-западнее г. Поставы, которые частично вошли в обиход местного населения и которые характеризуют обстановку боев во время проведения наступательной операции марта 1916 года под Поставами. Со слов местных жителей и по мемуарным источникам мы выделили ряд топонимов, которые вошли в обиход в годы Первой мировой войны в этом районе, а некоторые остались и до наших дней: Тихое Поле, Лес Ивана, Лапинский Лес (Lagordwald), Поле Смерти, Болото Мертвецов, Лес Гинденбурга (Hindenburgwald), Позиция Мазуры, Просека Муля (Mulischneise), Поле Брани, Редуты, Узкоколейка Жизни, Просека Гинденбурга (Hindenburgschneise), Поле Доблести и Смерти, Мулярже, Группа дотов.

Маркировка на картах нашей краеведческо-исследовательской экспедиции:

- красная линия – линия фронта в марте 1916 года во время проведения операции;
- синяя линия – маршруты походов и экспедиций.

Это нам дало возможность практически полностью воссоздать атмосферу и накал боев, главные направления удара, выявить ряд захоронений русских офицеров и рядо-

вых солдат, обозначить наиболее интересные с точки зрения создания интерактивного и виртуального маршрута по местам боев Великой войны и использования данного материала в учебной и воспитательной работе в школе. Некоторые топонимы времен Первой мировой войны можно найти в военно-мемуарной литературе. Такие топонимы, как «Лес Гинденбурга» и «Просека Муля» уже не существуют, но осталось название «... Просека», «Германский Лес», вместо «Лес Ивана» встречается в разговорах местного населения «Русский Лес», «Болото Мертвецов» превратилось в «Мертвое Болото» и так далее.

Лес Гинденбурга, Просека Гинденбурга. Этот топоним вошел в обиход германских солдат в тот момент, когда после ликвидации Свенцянского прорыва осенью 1915 года линию фронта в этом районе посетил с инспекцией фельдмаршал Гинденбург. После этого многие укрепления немецкой обороны стали носить его имя. Местность здесь крайне неудобна для обороны и наступления, густые заболоченные леса, болота, густая сеть ручьев и малых речек создают крайние неудобства для строительства обороны. Германцы выбрали для основной линии обороны высоты вдоль правого берега р. Камайки около д. Вилейты. За деревней сразу начиналось поле, которое простреливалось германскими пулеметами на всем протяжении. Преодолев поле, наступающие упирались в густой лес, который и был назван «Лес Гинденбурга» и должен был погасить наступательный порыв русских войск. Сразу же за лесом протянулась оборонительная «Просека Гинденбурга». Она представляла собой насыпную траншею высотой около 2–2,5 метра и шириной около 10 метров. Вся территория была пристреляна пулеметами, количество пулеметов составляло 8–10 штук на километр фронта, что позволяло перекрывать всю местность перед просекой многослойным огнем. На наиболее угрожающих участках ставились фугасы, артиллерийские батареи в тылу позиции имели приказ пристрелять прилегающую местность, но в случае атаки русских огонь открывать только в самых критических случаях, а до этого не выдавать своего присутствия. С точки зрения полевой фортификации «Линия Гинденбурга» была неприступной.

«Болото Мертвецов». Такое название получил заболоченный лес, который разделял полосу наступления 22-й пехотной дивизии: два полка этой дивизии штурмовали «Лес Гинденбурга» в районе д. Вилейты в лоб через поле, два полка наносили удар через поле южнее этого лесного массива в районе д. Микулишки. 18 марта 1916 года после жесточайшей артподготовки 85-й и 86-й пехотные полки 22-й дивизии наносят удар по позициям германцев в районе Леса Гинденбурга и Просеки Гинденбурга под Вилейтами. Одновременно с ними начинают атаку 87-й и 88-й полки в районе д. Микулишки. Лес разрезает порядки наступающих полков, усложняет руководство боем и корректировку огня батарей, которые поддерживали эту атаку. Три раза поднималась русская пехота в тот день в самоубийственные атаки, но каждый раз солдаты откатывались под пулеметным и ружейным огнем назад. Поле под Вилейтами постепенно заполнялось убитыми и ранеными, ко всему пошел снег с дождем, к вечеру упала температура, и многие раненые, которых не успели вынести с поля боя, просто замерзли. Потери первого дня ужасные – более 5000 убитых, раненых и пропавших без вести. Часть атакующих рот пытались обойти позицию германцев через лесной болотистый лес, но попали на проволочные заграждения с фугасами, которые начали взрываться, в то же время русская артиллерия, не имея данных, что войска пытаются пройти через лес, нанесла удар по этому участку, накрыв своим огнем наступающие войска. Артиллерии было собрано на этом участке много, а вот корректировку огня приходилось проводить в очень тяжелых условиях плохой видимости из-за тумана и снегопада. К тому же подводила связь: телефонный кабель под действием влаги искрил, происходили замыкания, связь временами просто пропадала. Все это привело к неоправданным тяжелым потерям первого дня наступления.

После окончания боев из этого леса было эвакуировано в тыл большое количество убитых и замерзших солдат, еще больше было затянута в болото, и они вошли в сводки потерь, как пропавшие без вести. Сегодня это место местные жители называют «Мертвым Болотом», название прочно вошло в повседневный обиход.

«Лес Ивана». Это название лесному массиву дали германские солдаты, которые на этом участке отражали русское наступление в марте 1916 года. Лесной массив протянулся с севера на юг вдоль линии фронта от д. Вилейты до д. Мажейки. Здесь концентрировались

русские войска перед наступлением, располагались штабы, пункты связи, передовые санитарные лазареты, куда доставлялись с поля боя раненые, далее были развернуты батареи непосредственной поддержки пехоты, которые вели непрерывный огонь по германским укреплениям. По фотографиям из альбомов германских полков, которые отражали наступление русских войск в районе «Леса Гинденбурга» хорошо просматриваются и русские позиции, и германские позиции. Современное состояние местности дает приблизительное совпадение с этими фотографиями, что дает возможность частично идентифицировать местность. Сложность проведения исследований в данном районе заключается в близости Государственной границы. Сегодня местные жители называют этот лес – «Русский лес», под этим названием он проходит и по картам местного агрогородка и сельсовета.

«Поле Смерти» и «Лес Ивана». Об этих двух объектах нам рассказали жители д. Мажейки. Более подробно о боях марта 1916 г. у бывших деревень Микулишки и Бучелишки мы прочитали в книге В. Богданова «Битва у Нарочи», а также очень подробно изучили местность во время нескольких походов и экспедиций в этот район в период 2015–2017 гг. Местность труднодоступна из-за пограничной полосы, которая проходит вдоль границы с Литовской Республикой. Когда смотришь сквозь амбразуры германских дотов на это поле, то осознаешь в полной мере тот подвиг, который совершили солдаты русской армии: встать в полный рост и пройти по полю, которое простреливалось огнем пулеметов, около 700 метров – это самопожертвование. Тела погибших солдат буквально покрывали все поле, много раненых просили о помощи, санитарные команды не успевали их выносить, и многие замерзали, оставаясь лежать там, где их сразили вражеские пули. После боев на этом поле работали санитарные и похоронные команды обеих армий, но русских солдат, погибших на германских линиях, хоронили германцы, поэтому на их кладбищах можно встретить кресты с надписью «Неизвестный русский солдат». Одно из таких мест мы встретили около бывшей д. Бучелишки, прямо на германских позициях, между траншеями и дотами. Это место никем и ничем не отмечено, просто квадрат ровной земли, обрамленный диким камнем, растут столетние дубы. По нашей версии – это одно из захоронений русских солдат, которых подобрали германские санитары и захоронили, а время и людское безразличие сделали свое дело

«Тихое Поле» – это сегодня огромный массив пахотной земли северо-западнее деревни Мажейки. Здесь в ходе Нарочской операции наступали войска 1-го Сибирского корпуса в составе 1-й и 2-й Сибирских дивизий. «Тихим» его называли местные жители, ибо в любую погоду над этим огромным полем стоит тишина, а ранним утром в облаках тумана, который почему-то надвигается постоянно со стороны леса, часто проявляются фигуры в шинелях и папахах, которые в полной тишине идут в свою последнюю атаку. Здесь, на этом поле, полегла 1-я Сибирская дивизия. Она выполнила приказ командования и, несмотря на огромные потери, прорвала германские позиции и прошла до второй линии. Кровь сибирских стрелков смешалась с весенней полноводной речкой Ольшанкой, все поле стало серым от цвета шинелей погибших солдат. Память местных людей сохранила те ужасы, которые происходили тут, и передала своим потомкам, в метком людском определении названия местности – «Поле Смерти», «Тихое Поле», «Поле Доблести». В апреле 1916 г. на этом участке было объявлено перемирие, солдаты обеих армий собирали своих павших товарищей. Сама природа старается не беспокоить память солдат Первой мировой войны, которые погибли на этом поле. Постоянная тишина, покой, словно покрывало, накрыла это огромное Поле Скорби.

«Узкоколейка жизни». Германцы узкоколейную дорогу, которая и сегодня просматривается в лесах под д. Мажейки, называли «Узкоколейкой жизни» (сейчас она называется «насыпь в Лапинском лесу»), ибо она спасла многих германских солдат от смерти. Она начинается от местечка Ярево, где целых 2 кладбища германских солдат, проходит через болотистый лес около деревень Свилели и Роди и упирается в позицию «Мазуры», откуда разветвляется на две ветки – одна в сторону д. Лесные Муляры, а вторая – вдоль «Просеки Муля», основной позиции германцев в том районе. Где-то на выходе этой узкоколейки из леса – одно из многочисленных и заброшенных германских кладбищ той поры. Местные жители стараются меньше бывать в этих лесах, страх передается через поколения. Слишком долго из воронок, из оплетенных колючей проволокой

окопов, разбитых блиндажей и дотов тянуло тяжелым сладковатым запахом смерти. Останки солдат находили спустя много лет после окончания войны; хоронили уже не воинские команды, а местные жители, отсюда и названия в этих местах – «Солдатский Лог», «Мертвый Лес», «Германские могилки», «Чырвоны хутар», «Чорнае балотца». Местный житель из д. Хотилы рассказал нам, что его дед еще помнил, как местные жители ходили по полю между д. Мажейки и д. Хотилы и собирали убитых русских солдат. После весны они стали оттаивать из-под снега, лежали по всему полю, во время мелиорации останки солдат выкапывались из болот, их хоронили где придется, крестов не ставили (власти не разрешали), поэтому о местах захоронения информации практически нет.

«Мулярже», редуты, доты (в местном обиходе-бункера). Топоним «Мулярже» – это производное из польского названия «печник-каменщик» деревни Лесные Муляры, которая находилась на стыке лесного массива между «Подем Смерти» под деревней Бучелишки, укрепленной позиции «Просека Муля» и «Тихим Подем». Деревня сейчас состоит из 2-х домов, полностью нежилая, иногда ею пользуются охотники и пограничные наряды, охраняющие Госграницу, которая находится в 500–600 метрах от бывшей деревни. Топоним «Мулярже» мы нашли в немецких полковых книгах 42-й пехотной дивизии, которая отбивала наступление русских войск в марте 1916 года. Так оно и перекочевало в местный обиход. Это была нейтральная территория во время боев, через эту деревушку шла волна русского наступления, сюда доставляли раненых и убитых, где-то здесь была большая братская могила русских солдат, но время и безразличие людей практически полностью вычеркнули из ее памяти на долгие десятилетия.

Очень часто местные жители называют это место просто «редуты» и доты или бункера. Мы провели полевые исследования во время наших туристических походов и экспедиций и обнаружили среди вырубленного леса огромные рвы, заполненные водой, многочисленные валы и специфические фортификационные укрепления, которые были предназначены для размещения артиллерии. На этом месте сейчас идет вырубка леса, поэтому эти сооружения прекрасно видны и распознаваемы. В центре одной из трех позиций стоит железобетонное сооружение, которое использовалось как наблюдательный пункт. С тыла позиции подходит узкоколейная дорога, по которой подвозились подкрепления и боеприпасы. Эта позиция в немецких штабах проходила как «Позиция Мазуры» и «Позиция Лагардни».

Заключение. В результате нашей работы по изучению топонимики мест боев во время проведения Нарочанской наступательной операции марта 1916 г., мы открыли для себя и постараемся донести до наших учащихся интересный материал, связанный с более углубленным изучением исторических событий на основе географических, исторических, картографических исследований только одного, относительно небольшого участка фронта Великой войны в северо-западной части Поставского района Витебской области. В перспективе – создание интерактивной карты мест боев в целом под г. Поставы и северо-западнее Постав по бывшей линии фронта на направлении главного удара Нарочанской операции, создание туристско-краеведческого и патриотического маршрутов «По линии фронта Великой войны», обработка материала и создание музея Первой мировой войны в своей школе.

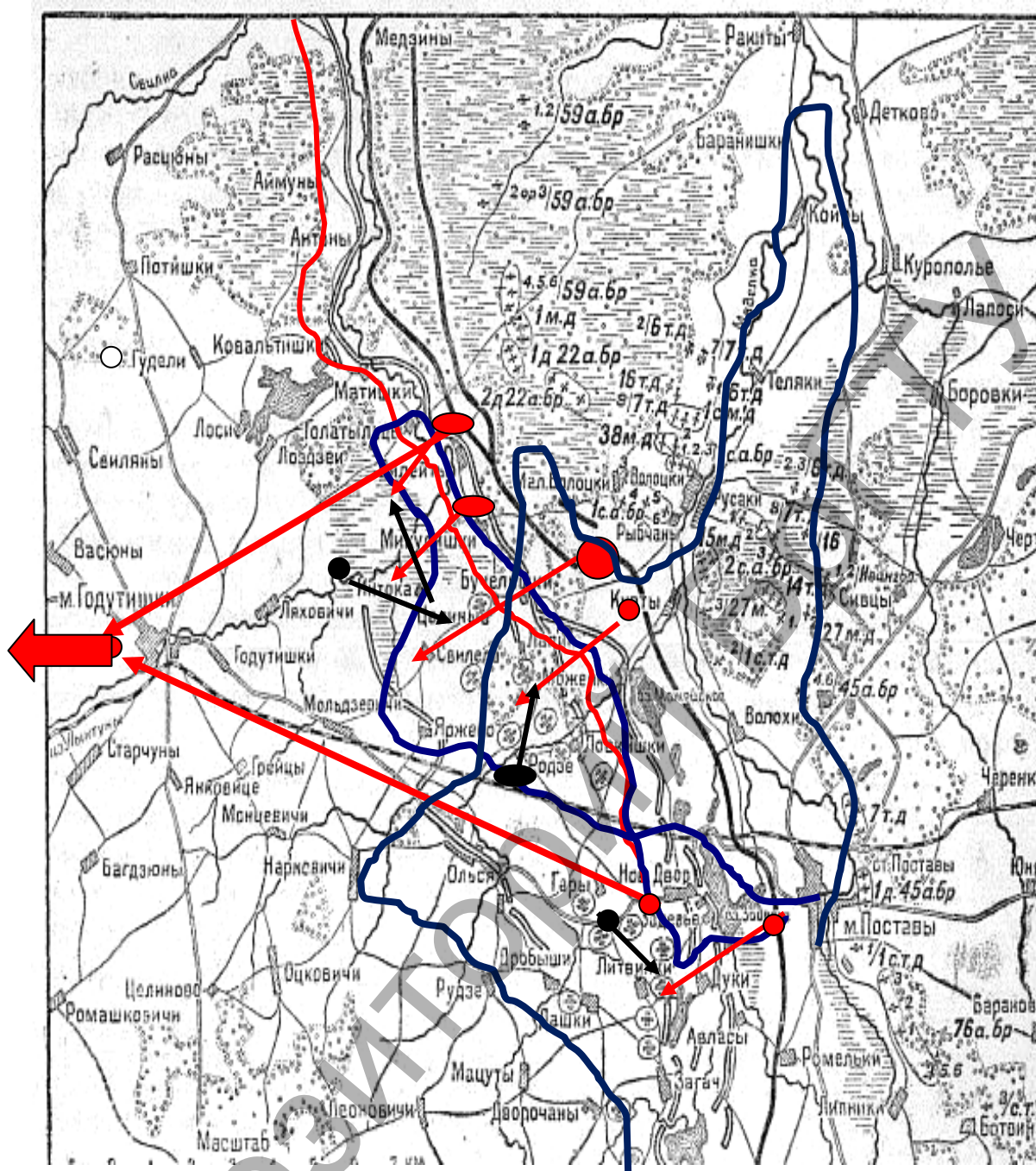
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басик, С. Н. Общая топонимика. – Минск: БГУ, 2006
2. Барсуков, Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917) – Москва : Воениздат МВС СССР, 1948. – Том IV.
3. Богданов, В. А. Битва у Нарочи. 1916. – Брест: Полиграфика, 2016.
4. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. – Мінск, 1972.
5. Керсновский, А. А. История русской армии – Москва, 1994. – Том 4.
6. Подорожный, Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны – М., 1938.
7. Богданов, В. А. Битва у Нарочи. 1916: полковые истории германских полков. – Брест: Полиграфика, 2016. – С. 37–43.
8. Прокопович, И. М. Фізичная геаграфія Пастаўскага раёна. – Паставы, 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бывшая линия фронта "Лес Гинденбурга" в районе Вилейты – Мажейки
Поставского района

Карта № 1. Наступление севернее г. Поставы в марте 1916 года. Красные стрелки – направление ударов русских войск, черные стрелки – контрудары германских войск

Снимок из фотоальбома 232-го пехотного полка «Германские санитары хоронят павших русских солдат около д. Интока Поставского района на "Поле Смерти" в апреле 1916 года»

Снимок из фотоальбома 232-го пехотного полка «Погибшие русские солдаты на "Поле смерти" под д. Интока Поставского района»

“Лес Гинденбурга” в марте 2016 года под д. Вилейты

Пространство между германскими позициями “Лес Гинденбурга” и русскими позициями. Апрель 1916 года. Русские солдаты собирают тела павших товарищей в ходе мартовского наступления в районе д. Вилейты Поставского района

“Поле Доблести” перед деревней Вилейты, место ожесточенных боев 21–22 марта 1916 года. Фотосъемка через 100 лет в марте 2016 года во время похода по Поставскому району

“Лес Гинденбурга” после мартовских боев 1916 года (из полкового альбома 232-го полка германской армии)

“Болото мертвецов” между д. Вилейты и бывшей д. Микулишки.
Все болото пересекает линия укреплений, вросших в землю. Март 2016 года

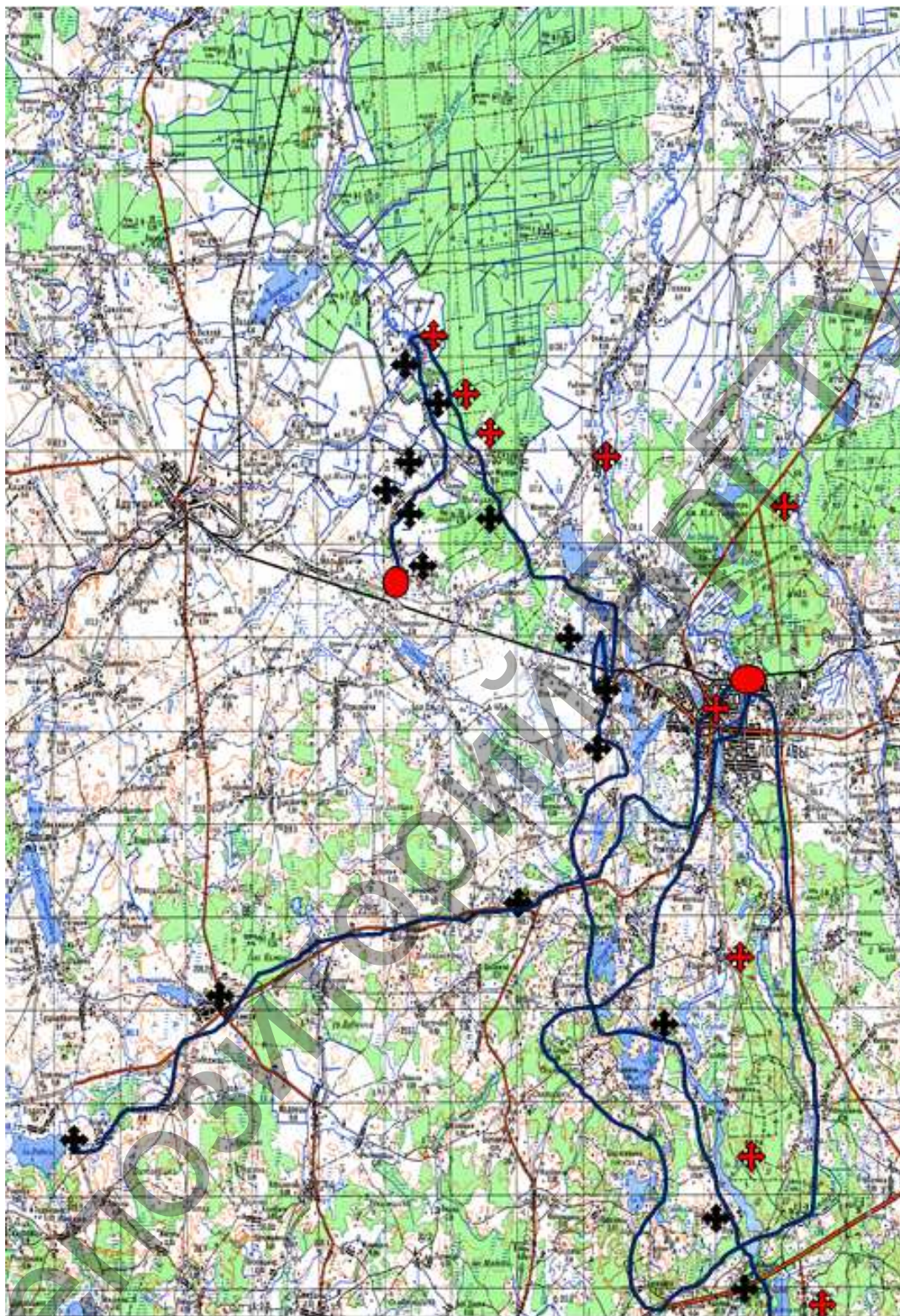
У братской могилы солдат 22-й дивизии на опушке “Леса Ивана”
около д. Микулишки и Лесные Муляры (из фотоальбома 85-го пехотного полка)

Захоронение павших русских солдат на опушке леса перед д. Бучелишки около “Леса Ивана” Поставского района (из полковой книги 232 полка германской армии)

Предположительно братская могила русских солдат, погибших около “Леса Ивана” рядом с д. Бучелишки. Просматривается “Поле Смерти”, март 2016 г.

Карта захоронений германских и русских солдат в районе боевых действий в ходе Нарочанской наступательной операции марта 1916 года под Поставами.
Синяя линия – маршруты походов

На “Просеке Муля” в марте 2016 года

“Просека Муля” в марте 1916 года (из полковой книги 136-го полка)

ГАВРИЛЕНКО И. В.

ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»,
г. Брест, Республика Беларусь

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БРЕСТСКИЙ МИР В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ЭКСПОЗИЦИЯХ МЕМОРИАЛА

Несмотря на то, что основной темой исследования мемориала являются события 1941 г., изучение истории крепости, ее роли в Первой мировой войне и подписании Брестского мирного договора 3 марта 1918 года занимает значительное место.

Первая попытка отразить это в музейной экспозиции была предпринята в 1938 г. начальником окружного суда подполковником IX военного округа Польши Томашем Жук-Рыбицким при сборе материалов для музея в казематах южной казармы Цитадели. Среди экспонатов был стол, за которым был подписан Брест-Литовский мирный договор. «Было это очень скромное начало, но была надежда, и даже уверенность, что все быстро будет развиваться. Увы, все пошло иначе. Через «музей» прошла война – что там могло остаться?» – писал в своем дневнике Томаш Жук-Рыбицкий [1, с. 22]. Боевые действия 1939 г., 1941 г., оккупация уничтожили много исторических реликвий Брестской крепости.

В послевоенное время писатель С.С. Смирнов, занимаясь изучением обороны крепости в июне 1941 г., получал письма от тех, кто был свидетелем событий в крепости накануне и в период Первой мировой войны, интересовался легендой о «бессменном часовом» и предполагал, что это могло происходить в Брестской крепости.

При создании Музея обороны, в 1956 г. в проекте «Тематическая структура и перечень основных экспонатов музея героической обороны Брестской крепости» уже было предложено отразить в одном из залов музея состояние на Западном фронте Российской империи в 1914–1918 гг., подписание Брест-Литовского мирного договора [2, с. 5].

Переписка, которая велась сотрудниками музея в 50-60-е годы XX в. с военнослужащими и членами их семей, проживавшими в крепости накануне Первой мировой войны, имевшими отношение к ее строительству и модернизации, эвакуации в 1915 г., дали возможность собрать материал, касающийся этого периода.

В 1956 г. в «Моих воспоминаниях о генерале Карбышеве» Владимир Максимович Догадин (1884–1974) описал быт и службу инженеров крепости накануне войны, мероприятия, проводимые по укреплению крепости в период мобилизации [3].

Военный фельдшер Брест-Литовского военного госпиталя №10 Мелентович Иван Лаврентьевич (1888–1976) в 1968 г. в письме писателю С. С. Смирнову описал события первых месяцев войны – взрыв складов боеприпасов и пожар в крепости 5 ноября 1914 г. [4].

Сын начальника почтовой конторы Брест-Литовской крепости Даниила Степановича Игнатовича, Всеволод Даниилович Игнатович (1900–1990) оставил свои воспоминания детства, проведенного в крепости, составил схему размещения военных и гражданских объектов крепости Брест-Литовск в 1914 г., где обозначены казармы, ворота, дома офицеров, особняки генералов, склады, погреб, парк, купальни, колодцы и многое другое. Со слов отца он описал эвакуацию почты в августе 1915 г.: «...В приказе по эвакуации предлагалось взять с собой только деньги и документы. Никакое оборудование не брать – все взятое на вокзале будет уничтожено до погрузки в вагон. Приказ был мною выполнен не полностью: все телеграфные аппараты и ценное оборудование, кроме мебели, мною было вывезено и погружено в вагоны. Очень жалко было личного имущества, которое с большими трудностями наживалось не один десяток лет...» [5, с. 64].

Источником сведений о крепости начала XX в. является рукопись И. А. Лидерса «Описание крепости Брест-Литовск, ее мобилизация в 1914 г. и эвакуация в 1915 г.», которую в 1975 г. передала в Музей обороны дочь Д. М. Карбышева Елена Дмитриевна, пояснив: «Разбирая очередной раз бумаги папы, я нашла рукопись Ивана Александровича Лидерса. ...На папке указан телефон Лидерса и телефон папы...» [6, с. 1].

Иван Александрович Лидерс (1859–1916 г. жил в Москве) с июля 1914 г. по август 1915 г. был начальником инженеров Брест-Литовской крепости. В «Описании...» он проанализировал состояние крепости к моменту вступления в должность, работы по укреп-

лению Брест-Литовской крепости для приведения ее в готовность к обороне в краткий мобилизационный период, а также мероприятия по эвакуации крепости в августе 1915 г., взрывы фортов, мостов и других укреплений.

В воспоминаниях имеются данные о том, что один из фортов крепости оказался в зоне боевых действий. При отходе русских войск и очищении форта лит. «К» противник атаковал этот форт и «...по распоряжению Военного инженера подполковника Егорова своевременно были взорваны фугасы и камнеметы, окружавшие этот форт, после чего противник приостановил атаку, прекратил наступать на отступающие части...» [7, с. 67].

Также представляет интерес «Доклад о состоянии крепости Брест-Литовск ко времени ее эвакуации, об участии крепости в боях 3-й армии и об эвакуации крепости Брест-Литовск» коменданта Брест-Литовской крепости генерала от артиллерии Владимира Александровича Лайминга (1854–1920). Из доклада известно, что крепостная артиллерия в августе 1915 г. своим огнем в ходе боев поддержала полевую армию: «...для оказания деятельной поддержки огнем крепостной артиллерии, я приказал командиру крепостной артиллерии войти в тесную связь с артиллерийскими начальниками в корпусах, действовавших впереди Тереспольского отдела. ...Первою открыла огонь батарея 200 пуд. пушек, затем батарея 10 дм. и, наконец, все батареи борьбы Тереспольского отдела. Действие крепостной артиллерии было блестяще, в особенности огонь 10 дюймовых пушек, заставивших замолчать батареи противника у дер. Новоселки и у дер. Березовка. Я получил несколько уведомлений от пехотных начальников о том, какую огромную помощь оказала Брест-Литовская крепостная артиллерия при отражении выступления противника со стороны д.д. Мокраны стар., Новос..., Вулька Добрыньская и др....» [8, с. 12].

Фондовые коллекции мемориала по этой теме формировались также в результате сотрудничества с другими музеями, архивами, благодаря находкам на территории крепости в разные годы.

В 1961 г. на хранение поступила коллекция нумизматики, наиболее интересные предметы которой – купюры 1898 г., 1909 г., 1918 г. номиналом 1, 5, 10 и 25 рублей [9, с. 3].

В 2001 и 2003 гг. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) передал мемориалу копии 150 фотодокументов: карт, схем крепости и фортов конца XIX – начала XX вв. [10, с. 12, 14].

В 2015 г. благодаря запросу в РГВИА было установлено имя Георгиевского Кавалера, останки которого были обнаружены в 2003 году военнослужащими 52-го отдельного специализированного поискового батальона вооруженных сил Республики Беларусь при раскопках в г. Бресте, в районе форта № 8. По номеру Георгиевского креста 4 степени (№ 223883) было установлено, что им был награжден стрелок 18-го Сибирского стрелкового полка Копытенко Афанасий Кириллович: «Будучи ординарцем при командире батальона, под сильным и действительным ружейным и артиллерийским огнем противника, непрерывно поддерживал связь, самоотверженно передавая приказания в роты, причем был 7-го ноября 1914 года ранен в ногу, но оставался в строю при командире батальона до конца боя» [11, с. 1]. Награда представлена в экспозиции 1-го зала Музея обороны, среди других реликвий – оружия Первой мировой войны (русская винтовка системы «Мосина» образца 1891 г., австрийский пулемет «Шварцлозе» и германская граната 1914 г.), котелка солдатского и фляги водоносной (входили в снаряжение военнослужащих русской армии XIX–начала XX вв.), ступки подарочной с датой «1914–1918 г.», которой награждали ветеранов Первой мировой войны, служивших в Германской армии, и др.

В настоящее время пополнение фондов и исследование темы продолжают.

События Первой мировой войны завершились подписанием мирного договора на территории Брестской крепости. В экспозиции музея с первых лет его существования эта тема была отражена посредством фотографий и документов. Посетители и сегодня могут увидеть руины Инженерного управления, где с 1915 по 1918 г. находился штаб Восточного германского фронта, а также проходил один из этапов мирных переговоров (с 22 по 27 декабря 1917 г.), и руины Белого дворца, где 3 марта 1918 г. для Советской России закончилась Первая мировая война.

В 60-е годы XX века на его руинах была установлена мемориальная доска с текстом: «ЗДЕСЬ, В БЫВШЕМ ЗДАНИИ БЕЛОГО ДВОРЦА 3 МАРТА 1918 ГОДА БЫЛ ПОДПИСАН

БРЕСТСКИЙ МИР». В 1971 г. она была заменена на мемориальный знак в виде листа отрывного календаря: «...3 МАРТА 1918 ГОДА ВО ДВОРЦЕ БЫЛ ПОДПИСАН БРЕСТСКИЙ МИР».

С 2016 г. сотрудники мемориала поддерживают связь с Тартыковой Гелианой Григорьевной, дочерью Сокольниково Григория Яковлевича (1888–1939), который возглавлял советскую делегацию в марте 1918 г. В фондах находятся книги, фотографии, присланные ею, в память о своем отце.

Вскоре для посетителей станет доступна новая экспозиция в пороховом погребе №1 (1863–1864), где в августе 1915 г. размещались штаб крепости, артиллерийское и инженерное управление, комендант. На стене погреба сохранилась надпись «2 августа 1915», оставленная неизвестным накануне эвакуации Брест-Литовского гарнизона.

Ныне этот объект находится в стадии музеефикации. Учитывая его предназначение накануне Великой Отечественной войны, ведутся работы по реконструкции в нем красноармейского клуба. Часть будущей экспозиции также затронет историю объекта и события Первой мировой войны.

В преддверии 100-летия подписания Брестского мирного договора тема Первой мировой войны вызывает особый интерес исследователей и музейных работников.

Совместный с УК «Брестский областной краеведческий музей» выставочный проект «Октябрь 1917», который открыт 8 ноября 2017 г. в юго-восточной казарме Цитадели, стал актом памяти исторических событий начала XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»: Оп. «Польский гарнизон» – Д. № О. Т. Жук-Рыбицки «Дневник». 1943 г. КП – 19027, Д – 9956.
2. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел): «Тематическая структура и перечень основных экспонатов музея героической обороны Брестской крепости». 1956 г.
3. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»: Оп. «История крепости» – Д. № 25 / В. М. Догадин. Мои воспоминания о генерале Карбышеве. – 1956. – НВ – 24256.
4. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»: Оп. «Брестская крепость в литературе». – Д. №1, папка 43 / И. Л. Мелентович. Письмо С. С. Смирнову. – 1968. – КП – 15148, Д – 8226.
5. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел). Папка № 15 / В. Д. Игнатович. Воспоминания. Крепость Брест-Литовск в 1914 году и немного ранее. – 1983.
6. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел) / Е. Д. Карбышева. Письмо в Музей обороны. – Вх. 31.01.1975 г. – № 327.
7. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел). Папка № 14 / И. А. Лидерс. Описание крепости Брест-Литовск, ее мобилизация в 1914 г. и эвакуация в 1915 г.
8. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»: Оп. «История крепости». Папка «Первая мировая война» / В. А. Лайминг. Доклад о состоянии крепости Брест-Литовск ко времени ее эвакуации, об участии крепости в боях 3-й армии и об эвакуации крепости Брест-Литовск. – 1915 (фотокопия). – НВ – 18856/12.
9. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел) / А. Ф. Соболевская. Справочный материал по истории мемориального комплекса «Брестская крепость-герой (Музей и Брестская крепость в 1961–1965 гг.). – 1965.
10. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел) / А. Ф. Соболевская. Справочный материал по истории мемориального комплекса «Брестская крепость-герой (Музей и Брестская крепость в 1996–2006 гг.). – 2007.
11. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (научно-экспозиционный отдел): ответ Российского государственного военно-исторического архива. – Вх. 27.10.2015 г. – № 2371.

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Среди наград Российской империи особым почетом пользовались орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Знаки отличия этого ордена: Георгиевские кресты, Золотое оружие, Георгиевская медаль, Георгиевские знамена, штандарты, флаги, вымпелы и Георгиевские трубы. Имеющие ордена, кресты, медали, оружие получали статус Георгиевского кавалера. Получить награду было непросто. Командирам нужно было собрать многочисленные документы, удостоверяющие действительность совершенного подвига и неоспоримую ценность его последствий. Это были показания очевидцев события и официальные оценки результатов совершенного действия. За какие же подвиги можно было стать Георгиевским кавалером? Проследим это на примерах офицеров и нижних чинов, совершивших героические поступки на участке 4-й армии Западного фронта от м. Цирин до д. Дарево с сентября 1915 по март 1917 г. (на протяжении 19 месяцев).

В ходе исследования установлены имена 141 офицера, которые стали кавалерами ордена Святого Георгия. Это – 1 кавалер 3-й степени (генерал-майор Е. В. Говоров), 140 кавалеров – 4-й степени (57 – в 9-м АК, 12 – в 25-м АК, 7 – в 3-м АК, 18 – в 35-м АК, 16 – в 3-м Кавказском АК, 11 – в Гренадерском корпусе, 19 – в 10-м АК). Найдены имена и описаны подвиги 46 офицеров, награжденных Георгиевским оружием.

Анализ подвигов награжденных показал, что офицеры под шквальным огнем противника вели роты в штыковые атаки, удерживали захваченные позиции, занимали укрепленные доты, брали пленных, отбивали у врага вооружение, руководили инженерными работами, руководили налаживанием переправ через реки и болотистую местность.

Савищев Николай Георгиевич, полковник 168-го пехотного Миргородского полка. Был награжден орденом 4-й ст. за то, что проявил мужество 21-22.06.1916 при атаке укрепленных позиций противника на линии госп. двор Скробово – д. Вызорок. Он лично под сильнейшим огнем противника водил в наступление 3-й батальон через болотистую местность и 50 рядов проволоки, по которой был пропущен электрический ток, со своим батальоном штыковым ударом выбил врага из его окопов. Это позволило остальным полкам дивизии развить атаку и занять третью линию хорошо укрепленных позиций противника [1, с. 129].

Иванишев Александр Григорьевич, подполковник 20-го пехотного Галицкого полка. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени «за то, что в бою 20.06.1916 у д. Горный Скробов, командуя 3-м батальоном полка, в минуту замешательства и остановки батальона, которые были вызваны пущенными противником удушливыми газами, он, несмотря на ураганный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника, личным примером ободрил своих солдат, во главе батальона двинулся в атаку, преодолев широкую полосу искусственных препятствий противника, овладел сильно укрепленным пунктом его позиции, занятие которого имело решающее значение на исход боя, захватил при этом орудие» [2]. Он был отчимом поэта К. Симонова, которому тот посвятил поэму "Отец" и эти строки:

Солдатом быть – в твоих устах
Обширнее звучало,
Чем вера в воинский устав,
Как всех начал начало... [3, с. 327].

Бонч-Богдановский Александр Михайлович, генерал-майор, командир 220-го пехотного Скопинского полка 35 АК. Награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за сражение 20.08.1916 г. Он неоднократно устанавливал переправу через р. Щара под огнем противника, чтобы дать возможность пехоте атаковать врага, а также снарядами разрушал проволочные заграждения немцев [4]. В дальнейшем в 30-е гг. был репрессирован в СССР.

Бениславский Михаил Станиславович, подпоручик 182-го Гроховского полка «в бою у д. Карчево 19 и 20 июня 1916 г., вызвавшись добровольцем, подполз с пятью разведчиками под сильным оружейным и пулеметным огнем противника к его проволочным за-

граждениям, определил места проходов, расчистил их. Затем при атаке повел через эти проходы батальон своего полка, чем содействовал успеху наступления» [5].

Георгиевский крест был наградой для нижних чинов и унтер-офицеров за боевые заслуги и храбрость, проявленную в боях против неприятеля. Установлены имена 167 кавалеров Георгиевского креста 1-й степени, 155 – 2-й степени, 1641 – 3-й степени, 7232 – 4-й степени. На 90% описаны их подвиги. Полными Георгиевскими кавалерами под Барановичами стали 20 человек. Больше всего награжденных было в 25-м армейском корпусе.

Награды получали за сбор разведданных, выполнение под интенсивным огнем противника различных задач (организацию проходов в проволоке, прикрепление к ней кошки для подачи фугасных зарядов, наведение мостов через реки и по болотистой местности). Воздухоплователи (летчики) получали кресты за фотографирование позиций врага. Военные под огнем противника восстанавливали железнодорожные пути сообщения, разрушали немецкие железнодорожные линии, по которым на вагонетках доставлялись вражеские пулеметы. Источники сообщают, что нижние чины самоотверженно ставили рогатки вблизи окопов противника, возводили укрепления, по собственной инициативе совершали смелые рейды и отчаянные маневры; ценою жизни подносили в труднодоступные места боеприпасы, восстанавливали порванные врагом линии связи; поднимали товарищей в штыковые атаки, брали противника в плен. Награды получали за трофейные пулеметы, телефонные аппараты, прожекторные установки, за уничтожение перископов противника, его боеприпасов. Награждались инвалиды, совершившие героические поступки и пережившие немецкий плен.

Подвиги некоторых героев восхищают. Старший унтер-офицер Василий Суворин в одном из боев на «Илье Муромце» стремился предотвратить бомбардировку вражескими истребителями ст. Барановичи. Самолет получил повреждение. Пытаясь его исправить на сильном ветру при 26-градусном морозе, обморозил руки, но сумел неимоверными усилиями в воздухе починить самолет и успешно добраться до своих позиций. Награжден Георгиевским крестом 2-й ст. [6, с. 9].

Морохов Антон – фельдфебель 2-й роты 41-го Сибирского стр. полка в бою 25.06.1916 г. на р. Щаре принял командование ротой, восстановил в ней должный порядок и продолжил начатое наступление, во время чего был ранен. Награжден Георгиевским крестом 1-й ст. [7, с. 187]. Полный Георгиевский кавалер. Тяжело сложится его послевоенная жизнь. Только золотой крест 1-й ст. он оставит себе, остальные награды обменяет на продукты для своей семьи.

Фейерверкер 5-й арт. бригады Даниил Траханов для спасения соседних батарей вызвал огонь тяжелой артиллерии противника на себя, вследствие чего был ранен и контужен. Награжден Георгиевским крестом 1-й ст. [7, с. 124].

Ефрейтор 322-го пех. Солигаличского полка Вячеслав Носенко получил Георгиевский крест 1-й ст. за то, что под сильным огнем противника доставил пять пленных немецких солдат, находясь 07.11.1915 г. в секрете у д. Горное-Скробово. А через год этот крест вместе с медалью 4-й ст. были найдены в колодце у перевязочного отряда 55-й пех. дивизии. Как он туда попал и куда пропал обладатель крестов, осталось загадкой [7, с. 561].

Гренадер 11-го грен. Фанагорийского полка Тимофей Каминский во время наступления 25.06.1916 г. был сначала ранен в ногу, потом контужен. Долгое время пролежал без сознания, потом отполз в кусты, так как находился недалеко от вражеских позиций. Так пролежал под дождем пять суток, а ночами медленно полз к своим. На одиннадцатый день его, обессиленного, не способного даже подать голос, нашли разведчики. Придя в себя, он заявил, что счастлив надеждой вновь вернуться в свой родной полк. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. [8, с. 675].

В Даревском районе 20 июня на передовой наблюдательный пункт 6-го Сибирского горного дивизиона приполз разведчик 11-й роты 124-го пехотного Воронежского полка Тимофей Кошевой. У него оторвало снарядом выше щиколотки правую ногу, которая едва держалась на куске кожи, тело было иссечено осколками снарядов. Где вплавь, где вброд разведчик Кошевой перебрался через реку и болото, и, несмотря на множественные раны, принес с собой винтовку и две ручные бомбы. Этот разведчик провел на на-

блюдательном пункте 5 часов. Ходы сообщения, ведущие в тыл, были заняты пехотой, поэтому не представлялось возможным вынести его из-под огня. За все это время Кошевой ни разу не пожаловался на боль, а лишь выражал сожаление, что ранения помешали ему продолжить драться с врагом. «Ну, ничего, поправлюсь, вернусь и еще покажу русского солдата», – говорил он. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Ефрейтор Павел Сапоненко, рядовой Никанор Егоров 19-го пех. Костромского полка во время газовой атаки 16.11.1916 г. возле дд. Нагорная-Лабузы были отравлены газом, но остались в строю, до последнего отбивая минометным огнем атаки противника. После боя умерли на перевязочном пункте. Рядовой 19-го пех. Костромского полка Иван Буховецкий в этом бою, рискуя жизнью, снимал защитную маску и передавал распоряжения командира батальона командирам рот [9, с. 114].

Младший фейерверкер 6-й химической команды Никита Трофимов во время газовой атаки русских в ночь на 04.01.1917 г. между деревнями Ольсевичи и Якимовичи, рискуя погибнуть от накопившихся в окопах отравляющих веществ, открывал вентили поврежденных огнем противника газовых баллонов [9, с. 124].

Старший унтер-офицер Гренадерского корпусного воздухоплавательного отряда Криштоф Кочмара, рискуя своей жизнью, самоотверженно выбросился на простреленном парашюте из горящего 05.07.1917 г. у Баранович аэростата, чтобы спасти жизнь другому воздухоплавателю [9, с. 124].

Младший унтер-офицер 35-го пехотного Брянского полка Виктор Фоменко в 62 года пришел добровольцем на фронт. Он вызвался пойти в разведку и собрал ценные для командования сведения [10, с. 177].

Особо хотелось бы выделить подвиги, связанные со спасением жизни офицеров. Ефрейтор 19-го пехотного Костромского полка Иван Шаванов в бою 20.06.1916 г. у госп. дв. Скробово вынес с поля боя тяжело раненного подпоручика Тарановича. Ефрейтор 165-го пехотного Луцкого полка Лука Химич в бою 20.06.1916 г. у госп. дв. Скробово, рискуя своей жизнью, спас жизнь младшего офицера прапорщика Зубчанинова. Рядовой 165-го Луцкого полка Мингариф Гайсин в бою 20.06.1916 г. у госп. дв. Скробово вынес из огня раненого подпоручика Брабика. Рядовой 17-го пехотного Архангелогородского полка Федор Креслин 21.08.1916 г. у д. Лабузы, видя неминуемую гибель подпоручика Дейнеко, отдал свой противогаз командиру, чем спас ему жизнь, а сам скончался в страшных мучениях [11, с. 152]. Нижние чины после потери командиров принимали на себя командование ротами. Но вот пришел 1917 г. Что же должно было случиться, почему солдаты перестали слушать своих офицеров, их более не интересовали преданность Родине, любовь к царю и верность присяге, данной перед Богом? Большая скученность людей содействовала распространению анархических идей, разложению большевистской пропагандой. Ситуацию усугубляли неутешительные вести из дома, кризис в стране и в армии, неверие в завтрашний день. Но самое главное – потеря страха. Они больше ничего не боялись. Масса почувствовала слабость власти. Это – феномен изменения массового сознания.

По данным о награждениях, большинство подвигов совершено во время Барановичской наступательной операции с 20 июня по 10 августа 1916 г. в районах дд. Скробово (более 2800 случаев) и Лабузы-Дарево (около 1740 случаев). Всего имеются сведения о 9382 Георгиевских кавалерах, совершивших подвиги за 1915 – 1917 гг. в зоне размещения 4-й армии и о 215 – получивших высокую награду в 1914-1915 гг. в Ставке Верховного Главнокомандующего в Барановичах. Внушительное подтверждение массового героизма. И всего только через пару лет имена героев будут практически навсегда забыты. Говорить о подвигах станет опасным для жизни. Добро, героизм, самоотверженность – постоянные константы морали – будут подвергнуты сомнению. Наступит искажение ценностей и нарушение исторической памяти народа.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца запечатлены имена Георгиевских кавалеров, нет там забытых героев Первой мировой войны. По крупицам мы собираем сведения о них. И если не в залах Кремля, так в благодарной памяти потомков достойны остаться их имена и подвиги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кавалеры ордена Св. Великомученника и Победоносца Георгия и Георгиеского оружия, альбом. – Белград, 1935. – 197 с.
2. Иванишев Александр Григорьевич. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria1914.info/index.php?title> – Дата доступа: 27.09.2017.
3. Симонов, К. М. Стихотворения и поэмы; Повести разных лет; Последняя работа. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 606 с.
4. Русская армия в Великой войне: Картотека проекта: Бонч-Богдановский Александр Михайлович. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1289> – Дата доступа: 23.11.2012.
5. Ордена Св. Великомученника и Победоносца Георгия 4-й степени //Армия и флот свободной России (бывший «Русский инвалид») № 161– 1917. – 13 июля
6. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. – М.: Духовная Нива, 2013. – Т. 2. – 1234 с.
7. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. – М.: Духовная Нива, 2013. – Т. 1. – 1016 с.
8. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. – М.: Духовная Нива, 2013. – Т. 5 – 996 с.
9. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. – М.: Духовная Нива, 2013. – Т. 11 – 1063 с.
10. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. – М.: Духовная Нива, 2013. – Т. 12 – 895 с.
11. Патрикеев, С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. – М.: «Духовная Нива», 2013. – Т. 3 – 1236 с.

БОРОВИКОВА В. В.

Студентка кафедры «Архитектура» УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест, Республика Беларусь

Руководитель: канд. архитектуры, доцент кафедры «Архитектура» УО «Брестский государственный технический университет»

ЗНАЧЕНИЕ МЕДИЦИНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГГ.

Первая мировая война считается самой кровопролитной и масштабной в человеческой истории. Поэтому значение медицины в годы войны невозможно переоценить. Врачи проводят колоссальную работу, как на фронте, так и в тылу, чтобы организовать помощь раненым воинам и обеспечить население медицинской помощью. Они спасли миллионы человеческих жизней, зачастую ценой своей. В такое тяжёлое время врачебное дело идёт бок о бок с военным.

Во время Первой мировой войны медицинская служба русской армии столкнулась с рядом трудностей. Отмечались нехватка личного состава врачей и среднего медицинского персонала, слабая хирургическая подготовка, особенно во фронтовых зонах.

В период Первой мировой войны было впервые применено оружие массового поражения – отравляющие вещества: на Западном фронте в районе р. Ипр немцы использовали газ на основе хлора, позже названный ипритом (в результате его применения погибло около 5000 человек). Медицинской службе армии впервые пришлось оказывать помощь при применении противником оружия массового поражения, нарабатывая приемы и методы оказания медицинской помощи при поражении отравляющими веществами. Это способствовало разработке изобретений медицинского предназначения.

Так, профессор Зелинский предложил свой образец фильтрующего противогаза, основанный на использовании активированного древесного угля. Преимущества предложенного «сухого» противогаза с присоединенным к нему шлемом инженера Кумманта были неоспоримыми, и снабжение фронтовых частей противогазами было налажено в марте 1916 года. Таким образом, были спасены многие тысячи воинов от поражения химическим оружием.

Увеличение концентрации кислорода в крови оказалось лучшим средством против газа, попавшего в легкие. Для этого был изобретен кислородный аппарат. Он мог оказывать помощь четырем пострадавшим одновременно. Прибор стал основным оснащением пунктов газовой помощи, которые скоро появились вдоль линии фронта.

В ходе военных действий пришлось менять систему управления военно-медицинской службы. Было создано Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части, руководителем которого был назначен член Государственного совета генерал-адъютант принц Александр Петрович Ольденбургский.

Одним из важнейших нововведений стала система медицинской сортировки раненых и пострадавших. Были созданы подвижные хирургические отряды, началось активное использование автомобильного санитарного транспорта. Был создан хорошо оборудованный железнодорожный санитарный транспорт.

В условиях массового поступления пациентов медицинская служба не имеет возможности помочь всем сразу, поэтому остро встает вопрос об очередности лечения. Расстановка приоритетов в порядке лечения требовалась для сохранения максимального количества жизней. Во время Первой мировой войны была выработана четкая последовательность транспортировки больных, значительно ускорившая медицинское обслуживание. Солдат на носилках доставляли с поля боя в медицинский пункт полка. С этой целью разрабатывались схемы отвода и выноса раненых с поля боя, размещения пунктов первой помощи на передовой, промежуточных перевязочных станций и методы подвоза раненых в тыловые госпитали. Конфигурация траншей должна была позволять санитарам выносить раненых на носилках, иметь запасные пути отхода. С обычными носилками передвигаться по окопам было сложно.

Поэтому появляются носилки Кольта, в них раненные могли полулежать. Это позволяло санитарам лучше маневрировать. Покрытые кожей скобы по краям носилок перераспределяли вес на плечи санитаров – так у них освобождались руки. Кроме того, раненые находились ниже бруствера. Это предотвращало новые ранения.

Раненые доставляются в пункт по ответвленной траншее и выводятся к следующему перевязочному пункту по траншее, идущей вглубь. В траншеях рекомендовалось делать ступеньки для размещения на них носилок в случае скопления воды.

Далее, при необходимости, на автомобиле скорой помощи их везли в эвакуационный пункт, а затем – на санитарном поезде в эвакуационный госпиталь. В предыдущих войнах медицинскую помощь оказывали недалеко от мест сражений, что подвергало раненых и медицинский персонал огромной опасности.

Рассмотрим поподробнее военно-полевую хирургию. Её основоположником считается Николай Иванович Пирогов. Он впервые предложил эвакуировать солдат с поля боя, накладывать гипсовые повязки и использовать эфир для наркоза. Он же разработал методы сортировки раненых и провел первую полевую операцию с анестезией.

Улучшение техники переливания крови. До Первой мировой войны переливание крови практиковалось очень редко, и процедура считалась опасной, поскольку проверка крови на совместимость и инфекций не проводилась. Большинство переливаний требовали присутствия живого донора. Процесс неудобный и рискованный, не говоря уже о том, что в условиях фронта процедура была почти невозможна.

В 1917 году канадский врач Лоуренс Брюс Робертсон опробовал новый метод: кровь прокачивалась из бутылки в тело раненого с помощью двух игл. Кроме того, кровь хранилась в емкостях со льдом и не портилась в течение 26 дней. Это нововведение в три раза увеличило выживаемость солдат с ранениями туловища.

Раны солдат требовали санации — удаления мертвых или зараженных тканей. Процедура санации требует, чтобы пациент был без сознания. Это повлекло за собой прогресс в анестезиологии. И в 1917 году Генри Бойль изобрел прибор, который подавал в легкие смесь кислорода, веселящего газа и эфира.

Появилась специализированная медицинская помощь (глазные отряды, отделения и госпитали для челюстно-лицевых ранений, лечебные заведения для легкораненых).

Настоящим скачком в медицине во время Первой мировой войны можно считать протезирование. Протезирование конечностей на момент начала войны было на низком уровне: протезы считались неудобными, создавали лишь видимость целостности тела, пациенты в основном отказывались носить их. После окончания войны дизайн протезов включал искусственную насадку на руку, оснащенную раздвоенным крюком, позволявшим брать вещи и выполнять ежедневные задачи. Лучшими считались протезы американской компании Carne Artificial Arm Co, которые поставлялись в армию Великобритании. Протезы получили прозвище «рука офицера», так как позволить их себе мог только высший офицерский состав.

Недостаточная оснащенность армии средствами борьбы с эпидемиями и плохая их реализация военно-медицинской службой приводили к большой смертности. Недостаточное количество бактериологических лабораторий и санитарно-гигиенических отрядов сказывалось на эффективности ранней диагностики инфекционных болезней. Поэтому были введены обязательные прививки против брюшного тифа и холеры, созданы фронтовые лаборатории, использовались походные дезинфекционные камеры. В результате этого в течение войны в русской армии не было крупных вспышек инфекционных заболеваний.

Но на территории оккупированной Беларуси было зафиксировано несколько мелких вспышек. В начале 1918 г. распространяется сыпной тиф, летом – холера. Для санитарно-противоэпидемических мероприятий использовались имевшиеся силы и средства (санитарно-дезинфекционный отряд, санитарно-бактериологическая лаборатория, вокзальный обсервационный пункт, пункты холерных прививок, бюро очистки и дезинфекции, развернутые койки для острозаразных больных в городской больнице, двух госпиталей, холерных бараках, изоляционной квартире; выдались бесплатные талоны на стрижку, помывку).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вилижинская, К. А. Достижения медицины в годы Первой мировой войны / К. А. Вилижинская, Исакова Э.; руководитель В. В. Суворов // *Conferences' Archive* » V Всероссийская неделя науки с международным участием, *Week of Russian science (WeRuS-2016)*, посвященная «Всемирному дню здоровья». Электронный сборник материалов конференции. – Режим доступа: <https://medconfer.com/node/5963>. – Дата доступа: 15.10.2017.
2. Заблудовский, П. Е История медицины: методическое пособие / П. Е. Заблудовский – М.: Медицина, 1998. – 242 с.
3. Украинский, А. Ю. От прокладки до пластической хирургии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/ww1/history/ot-prokladok-do-plasticheskoy-hirurgii-14501.html>. – Дата доступа: 17.10.2017.

САВИЧ А. А.

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
г. Брэст, Рэспубліка Беларусь

ЗАКАНЧЭННЕ ПОЛЬСКА-САВЕЦКАЙ ВАЙНЫ І ЎСТАЛЯВАННЕ ПОЛЬСКАЙ УЛАДЫ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Рыжская мірная дамова ад 18 сакавіка 1921 г., якая падвяла рысу пад польска-савецкай вайной, несумненна з'яўляецца адной з ключавых падзей у гісторыі Беларусі ХХ стагоддзя, якая сваёй ёмістай перагiсторыяй, ходам перамоў, сутнасцю і наступствамі на доўгія гады перадвызначыла дзяржаўна-палітычныя, палітыка-дыпламатычныя, этнакультурныя працэсы ва Усходняй Еўропе, абумоўліваючы сваім красамоўным дэтэрмінізмам як адзінкавыя, лакальныя, так і буйнамаштабныя міжнародныя падзеі. Рыжскі мір, заключаны без уліку беларускіх інтарэсаў і ў адсутнасці паўнаважных беларускіх прадстаўнікоў, у сістэме тагачасных гістарычных падзей,

апрача афармлення адпаведных бакоў польска-савецкіх адносін і фарміравання геапалітычнай структуры Усходняй Еўропы, перадвызначыў, у прыватнасці, становішча Заходняй Беларусі 1921–1939 г. як часткі міжваеннай Польшчы [1]. У разуменні значэння Рыжскага міру ў дачыненні да Заходняй Беларусі вялікае значэнне мае гістарыяграфічнае асэнсаванне тэмы, якое дагэтуль не атрымала свайго выяўлення.

Дынаміка адносін да Рыжскага міру з боку айчынных аўтараў характарызуецца натуральнай цікавасцю да падзеі і абурэннем несправядлівымі наступствамі дамовы ў дачыненні да Беларусі ў перыядычным друку Беларусі і Савецкай Расіі ў першай палове 1920-х гадоў з наступным замоўчваннем і канстатацыяй польска-савецкага замірэння як з’явы, што стала вынікам польскай экспансіі і падставай для захопу Польшчай этнічных беларускіх зямель. Такого кшталту абмежавання фармулёўкі існавалі ў айчыннай гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі ажно да ўсталявання незалежнай суверэннай Рэспублікі Беларусь. Цікава, што ў адрозненні ад Савецкай Расіі, у Польшчы ўжо 18 чэрвеня 1921 г. у афіцыйным выданні быў апублікаваны поўны тэкст Рыжскай дамовы на трох мовах з пяццю дадаткамі, закон аб ратыфікацыі і пратакол абмену ратыфікацыйнымі дакументамі [2, 3, 4].

Хуткія водгукі з боку беларускай грамадскасці ў дачыненні да перамоваў у Рызе і яго вынікаў былі негатыўнымі і эмацыйнымі, сваёй танальнасцю кансалідуючыся з рашэннямі Пражскай канферэнцыі беларускіх дзеячаў 1921 г. На прыкладзе “Беларускіх ведамасцей” можна праілюстраваць, як аўтары публіцыстычных матэрыялаў рэзка асуджалі імперскія амбіцыі суб’ектаў перамоў, якія за кошт этнічных беларускіх зямель уладкоўвалі свае геапалітычныя спрэчкі: “Беларусь падзелена, зруйнована, і над ёю робіцца самая брыдкая практыка чорнай – прачорнай палітыкі, якой яна ня бачыла яшчэ ніколі” [5, 6].

На фоне гэтага сёння цікава адзначыць меркаванне і апанентаў беларуска-эсэраўскай ідэалогіі, у прыватнасці В. Кнорына, аднаго з непасрэдных распрацоўшчыкаў ідэалагічных устаноў аб варожасці “беларускага буржуазнага нацыяналізму”. У 1924 г. ён у цэлым кансалідаваўся з думкай аб несправядлівым характары польска-савецкага замірэння ў дачыненні да Беларусі: “Граница, установленная рижским миром 1921 г., проходит по живому телу белорусского народа”. Аздабляючы сваё стаўленне вядомымі ідэалагэмамі, В. Кнорын пераконваў, што адзначаная несправядлівасць зыходзіла ад Польшчы, якая захапіла беларускія землі і праводзіла там дыскрымінацыйна-абмежавальную ў дачыненні да мясцовага насельніцтва палітыку, у той час як жыхары БССР “имеют все возможности национального культурного строительства в интересах шир трудящихся масс” [7].

Яскравым прыкладам высокага патрыятычнага хвалявання і рэзкай нязгоды з Рыжскім мірам стала творчасць беларускіх паэтаў, у першую чаргу Янкі Купалы і Якуба Коласа [8; 9; 10]. Беларускі гісторык і літаратуразнаўца А. Трафімчык адзначыў, што “адразу пасля падзелу беларускія паэты выказваліся вельмі востра супраць брутальнага стасоўна Беларусі акта”, аднак “паціху тая вастрыня патухае” [10, с. 282]. Аналагічную дынаміку стаўлення да рыжскіх пагадненняў дэманстравалі і навукоўцы, стаўленне і акцэнты якіх дэманструюць падобныя змены. Пад ціскам розных цэнзурных інстанцый публікацыі паступова пазбаўляліся асуджальна-негатыўных фармулёвак, атрымліваючы апалітычна-канстатацыйныя рысы. Так, беларускі вучоны і нацыянальны дзеяч А. Смоліч першапачаткова даволі рэзка адрэагаваў на Рыжскі мір, лічыў, што “такі палітычны падзел Беларусі не абпіраецца ні на якія геаграфічныя асновы. Межы праведзены па жывому целу Беларусі” [11, с. 7].

https://be.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%8B%D0%B6%D1%81%D0%BA%D1%96_%D0%BC%D1%96%D1%80_%D0%BD%D1%8B_%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%80,_1921_-_cite_note-3 У 1925 г. А. Смоліч, перакананы прыхільнік беларускіх нацыянальна-дзяржаўных прыярытэтаў, прытупіў вастрыню антырыжскай рыторыкі, у духу афіцыйнай савецкай ідэалогіі звярнуў увагу на выхадкі міжнароднай буржуазіі і штучнасць аддзялення заходняй часткі Беларусі ад цэнтральнай і ўсходняй [12, с. 7, 267].

Так паступовае фарміраванне навуковага аблічча аповядаў пра рыжскія дамовы і становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы пачало замоўчваць складанасць і

шматаспектнасць праблемы, прымітывізуючы яе выкладанне да надзвычай спрошчаных схем, якія апраўдвалі правальную для Савецкай Расіі фінальную фазу польска-савецкай вайны і канстатавалі адыход Заходняй Беларусі да Польшчы па выніках дамовы. Відавочна, што беларускія аўтары павінны былі суадносіць свае адносіны да Рыжскага міру і яго наступстваў з агульнасавецкай гістарыяграфічнай схемай аб больш выгадных для Савецкай Расіі ўмовах у параўнанні з умовамі вясны 1920 г. і імперыялістычным характары міру з боку Польшчы [13, с. 89]. У гэтым кантэксце адзначым і вядучага міжваеннага айчыннага гісторыка Рыжскага міру У. Пічэту, які дастаткова шматаспектна і абектыўна падае гісторыю падрыхтоўкі і падпісання Рыжскага міру [14–16]. У прыватнасці, у дачыненні да магчымых варыянтаў пасляваеннага ўладкавання Заходняй Беларусі польскімі ўладамі У. Пічэта згадаў рознаскіраваныя палітычныя праекты прыхільнікаў розных палітычных накірункаў Польшчы, значным чынам паглыбляючы ўяўленні пра характар і альтэрнатыву перспектывы польскай улады на тэрыторыі Заходняй Беларусі [16, с. 85–87].

Адзначаючы агульную скіраванасць айчыннай савецкай гістарыяграфіі на захопніцкую сутнасць Польшчы, акупацыйны, асіміляцыйны, дыскрымінацыйны характар польскай палітыкі ў Заходняй Беларусі, трэба мець на ўвазе, што гэтыя фармулёўкі выклікалі крыўду і асуджэнне польскіх камуністаў, якія намагаліся канчаткова замацаваць “крэсы” за Польшчай і для якіх Рыжскі мір успрымаўся як законная падстава уваходжання краю ў склад Польшчы. “Оккупации никакой нет, а трактат есть трактат” (тут і далей арфаграфія, стыль і падкрэсліванне крыніцы. – А.С.) [17, арк. 4]. Такая пазіцыя падводзіла камуністычны рух у Заходняй Беларусі да расколу, які і выявіўся восенню 1925 г. у выглядзе беларускай фракцыі ў КПЗБ т. зв. “сэцэсіі” [18]. Аднак яшчэ ў 1921 г. беларускіх камуністаў турбавала сітуацыя, калі ім прыходзілася сумесна наладжваць антыакупацыйную барацьбу “на крэсах” з тымі, якія лічылі, што ніякай акупацыі Польшчай Заходняй Беларусі няма [17, арк. 4–5].

Прынцыпова трэба адзначыць, што ўнутрыпартыйныя спрэчкі адносна падстаў і характару польскай улады і асабліва пытанні характару і рухаючых сіл рэвалюцыйнай барацьбы на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўплывалі на асвятленне рыжскіх пагадненняў і становішча беларускіх зямель у складзе Польшчы. Функцыянеры КПП, складовай часткай якой без уласнага статуту, а не самастойнай партыяй, была КПЗБ, і прапольскія кіраўнікі КПЗБ патрабавалі, каб у публікацыях па заходнебеларускай праблематыцы БССР мэтанакіравана змяншалася акупацыйна-захопніцкая рыторыка. Выяўленым прыкладам такога гістарыяграфічнага дэтэрмінізму стала гісторыя зборніка артыкулаў па Заходняй Беларусі [19], названага прапольска арыентаванай “меншасцю” КПЗБ на чале з А. Максімоўскім “фракцыйным зборнікам” [20, арк. 46–51].

Пытанне Рыжскага міру і яго наступстваў пасля пэўнага часу інтэнсіўнага абмеркавання як вузлавой знешнепалітычнай праблемы Савецкай Расіі і ў вышэйшых бальшавіцка-камітэрнаўскіх колах адышло на задні план, што разам з адміністрацыйна-цэнзурнымі і рэпрэсіўнымі спосабамі ўздзеяння на аўтараў публікацый вяло да звужэння адпаведнай тэматыкі. У прыватнасці У. Пічэта ў канцы 1930-х гадоў значна спрасціў свае разважанні пра Рыжскі мір, абмежаваўшыся кароткай, але палітычна вытрыманай фармулёўкай з відавочнымі недакладнасцямі, якія, магчыма, тлумачацца яго фактычнай адасобленасцю ад сапраўднай гістарычнай працы [21, с. 120].

Прымітывізацыя і схематызацыя як сродак пабудовы класічнай савецкай схемы рыжскіх пагадненняў у дачыненні за Заходняй Беларусі выяўляецца ў знакамітым творы, прысвечаным У. Леніну і І. Сталіну: “Польшча, не маючы сіл прадоўжыць вайну, аказалася вымушанай адмовіцца ад сваіх планаў захопу правабярэжнай Украіны і Беларусі і паправісла міру. 20 кастрычніка 1920 г. у Рыге быў заключан мірны дагавор. Па гэтаму дагавору Польшча ўтрымала за сабой Заходнюю Украіну і заходнюю частку Беларусі. З таго часу аж да 1939 г. Заходняя Беларусь знаходзілася пад прыгнётам польскіх паноў” [22, с. 82].

Актывізацыя гістарыяграфіі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. пасля XX з’езда КПСС і да пачатку 1990-х гадоў [1, с. 45–83] не адбілася спрыяльна на падачы Рыжскага

міру і яго наступстваў для Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Прычынай гэтага верагодна з'яўлялася нежаданне партыйна-дзяржаўных куратараў беларускай гістарычнай навукі выяўляць сапраўднае аблічча савецкай знешняй палітыкі і дыпламатыі, кіраўнікі якіх не хацелі азмрочваць адносіны паміж СССР і Польшчай. У гэтым плане характэрнымі, красамоўнымі і адначасова цынічнымі з'яўляюцца тыповыя заўвагі М. С. Арэхвы ў дачыненні, па яго меркаванні, да нежаданых выказванняў С. А. Ваўпшасавы: “Нельзя не из-за Народной Польши, теперешние руководители которой, в прошлом члены Компартии Польши, это занют, а из-за сегодня существующего капиталистического окружения... Это был вопрос отношения между государствами, находившимися в состоянии войны, и подымать этого сейчас не стоит... Возвращаться сейчас к польским зверствам в период польско-советской войны, по высказанным мною выше соображениям, не следует” [23, арк. 13, 15, 16]. Не дзіўна, што ў выданні другой паловы 1960-х – 1980-х гадоў тэма Рыжскага міру у кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі не атрымала паглыблення, дакладна дэманструючы элементы гістарыяграфічнай канструкцыі папярэдняга перыяду [24, 25, 26].

Незалежнасць і ўмацаванне суверэнітэту Рэспублікі Беларусь сталі вызначальнай ўмовай удасканалення айчынай гістарычнай навукі ў цэлым і паўнаўрацкага навуковага асэнсавання гісторыі Рыжскага міру і яго наступстваў у прыватнасці. Як трапна выказаўся У. М. Міхнюк, “прышоў час паглядзець на Рыжскі мір не толькі з Варшавы і Масквы, Вільні і Кіева, але і з Мінска” [27, с. 137]. Паглыбленню і аб'ектывізацыі навуковага асэнсавання рыжскіх пагадненняў спрыялі міжнародныя навуковыя канферэнцыі, прысвечаныя праблемам міжнародных адносін, а ў першую чаргу 80- і 90-годдзю падпісання Рыжскага міру [28; 29]. Адпаведны працэс атрымаў увасабленне ў вялікай колькасці грунтоўных навуковых прац, у якіх на падставе прыярытэтаў беларускай нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі прэзентаваны шматлікія аспекты гісторыі падрыхтоўкі, падпісання і выканання Рыжскага міру, што забяспечвае больш якасны ўзровень інтэпрэтацыі становішча Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы [30, 31, 32, 33, 34, 35, 36].

Навуковыя дасягненні аўтараў прыведзеных публікацый былі выкарыстаны ў калектыўнай манаграфіі “Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн.” [37]. Узважаны канцэптуальны падыход выдання характарызуецца больш грунтоўным навуковым і глыбокім гістарыясофскім асэнсаваннем рыжскіх пагадненняў як рубажнага пачатку новай геапалітычнай архітэктуры Усходняй Еўропы, а адпаведныя падзеі падаюцца як падставы для глабальных змен міжнароднага ваенна-палітычнага стану, у тым ліку 1939–1945 гг. У дачыненні да Заходняй Беларусі выданне справядліва выдзяляе два асноўныя аспекты, звязаныя з прызнаннем нацыянальных правоў беларусаў Польшчай і абавязкамі па іх абароне і несправядлівым гвалтоўным падзелам тэрыторыі Беларусі [37, с. 190], як асноватворныя падставы нацыянальна-взваленчай барацьбы ў 1921–1939 гг.

Такім чынам, гістарыяграфічнае асэнсаванне Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі выяўляе відавочную абумоўленасць вывучэння і асвятлення ў друку гэтай важнай падзеі ідэйна-палітычнымі прыярытэтамі савецкага партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва. З'яўляючыся часткай савецкай партыйна-дзяржаўнай ідэалогіі, беларуская гістарычная навука не магла аб'ектыўна адлюстроўваць падзеі Рыжскага міру як прававой падставы знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы. Беларускія аўтары вымушаны былі прыслухоўвацца да патрабаванняў партыйных ідэолагаў, хаваць вострыя і непрыемныя для беларусаў бакі рыжскіх пагадненняў, звязаных з ігнараваннем інтарэсаў Беларусі. У выніку тэрытарыяльных саступак за кошт беларускіх зямель, савецкае кіраўніцтва выгандлявала патрэбныя для іх пазіцыі ўзаемадачыненняў з Польшчай, у наступным, у тым ліку ў інтарэсах польскай улады, павяло курс на схематызацыю Рыжскага міру, замоўчванне ў дачыненні да Беларусі акупацыйна-дыскрымінацыйнай сутнасці знешняй палітыкі Польшчы і Савецкай Расіі. Гэтая тэндэнцыя прасочвалася да пачатку 1990-х гадоў да моманту ўтварэння Рэспублікі Беларусь, незалежнасць якой стварыла спрыяльныя ўмовы для аб'ектыўнай навуковай

рэканструкцыі і адэкватнай інтэрпрэтацыі Рыжскага міру ў кантэксце гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг.

СПИС ЛІТАРАТУРЫ

1. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2012. – 288 с.
2. Ustawa z dnia 15 kwietnia 1921 roku o ratyfikacji Traktatu pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą, podpisanego w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 813.
3. Traktat pokoju między Polską a Rosją i Ukrainą, podpisany w Rydze dnia 18 marca 1921 roku // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 814–867.
4. Protokół wymiany dokumentów ratyfikacyjnych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 49. – S. 867.
5. Зъезд у Празе // Беларускія ведамасці. – 1921. – № 1 (14 верасня).
6. Русіфікацыя ў Усходняй Беларусі // Беларускія ведамасці. – 1921. – № 7 (24 кастр.).
7. Кнорин, В. Современное положение в Западной Белоруссии // Звезда. – 1924. – № 61. – 14.03. – С. 5.
8. Лазько, Р. Польшка-савецкія мірныя перамовы і лёс Беларусі / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5.
9. Трафімчык, А. Хто чужаніцы? Якуб Колас пра падзел Беларусі 1921 года / А. Трафімчык // Дзеяслоў. – 2012. – № 5 (60). – С. 279–292.
10. Трафімчык, А. “Раз абсеклі Беларуса Маскалі ды Ляхі...” Падзел Беларусі 1921 г. у паэтычным асэнсаванні Янкі Купалы / А. Трафімчык // Дзеяслоў. – № 2 (57). – С. 275–294.
11. Аркадзь Смоліч. Географія Беларусі. Выданьне 3-е, значна пераробленае і дапоўненае, з 159 рысункамі і картамі / А. Смоліч. – Вільня : “Віленскае выдавецтва” Б.А. Клецкіна. Беларускі аддзел, 1923. – 367 с.
12. Смоліч, Аркадзь. Кароткі курс географіі Беларусі / А. Смоліч. – Менск : Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. – 352 с.
13. Мезга, Н. Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов / Н. Н. Мезга ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – 236 с.
14. Пічэта, У. Польшка-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Польша. – 1928. – № 4. – С. 147–166.
15. Пічэта, У. Польшка-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Польша. – 1928. – № 5. – С. 83–100.
16. Пічэта, У. Польшка-савецкія адносіны і Рыжскі мір / У. Пічэта // Польша. – 1928. – № 6. – С. 126–147.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 495. – О. 129. – Д. 71.
18. Савіч, А.А. “Сэцэсія” ў КПЗБ у айчынным гістарыяграфіі / А.А. Савіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. Філасофія і логіка. Гісторыя. Псіхалогія. Права. Педагогіка. – 2007. – № 3(30). – С. 23–31.
19. Западная Белоруссия : сб. статей. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1927. – Кн. 1. – 211 с.
20. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. – Воп. 2. – Спр. 132.
21. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 136 с.
22. В. І. Ленін і І. В. Сталін – арганізатары Беларускай Савецкай Соцыялістычнай Рэспублікі / Е. Карнейчык, Ф. Папоў, М. Шкляр; пад рэд. І. Чымбурга. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1949. – 228 с.

23. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 1103.
24. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А. Н. Мацко [и др.] ; под ред. А. Н. Мацко и В. Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.
25. Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939) / А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1972. – 335 с.
26. Полуян, В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 359 с.
27. Міхнюк, У. Рыжскі мір і Беларусь / У. Міхнюк // XX стагоддзе ў гісторыі палякаў і беларусаў : матэрыялы беларус.-польск. навук. канф., Мінск, 20–21 ліст. 2000 г. / Адк. рэд.: У. Міхнюк, П. Гарнцарэк. – Мінск : БДУ, 2001. – С. 137–145.
28. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы: Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф. (Мінск, 16–17 сакавіка 2001 г.) / Пад навук. рэд. У. Ф. Ладысева. – Мінск : БДУ, 2001. – 210 с.
29. Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. W dziewięćdziesiąt rocznicę traktatu ryskiego 1921 r. Studia z dziejów stosunków polsko-białoruskich w XX w.: зборнік навуковых прац III Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / [укладанне, навуковыя рэдактары: Е. Расоўская, А. Вялікі]. – Мінск : Ковчег, 2011. – 343 с.
30. Мезга, М. Мяжа канфрантацыі (становішча Заходняй Беларусі пасля падпісання Рыжскай дамовы 1921 г.) / М. Мезга // Беларус. мінуўшчына. – 1996. – № 2. – С. 29–31.
31. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.
32. Ладысеў, У. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне? / У. Ладысеў // Беларус. гіст. часоп. – 2001. – № 3. – С. 23–27.
33. Лазько, Р. Польска-савецкія мірныя перамовы і лёс Беларусі / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5–12.
34. Лазько, Р. Перад патапам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
35. Снапкоўскі, У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) / У. Снапкоўскі // Беларус. гіст. часоп. – 2001. – № 3. – С. 28–41. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 269 с.
36. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2014. – Кн. 1 – 593 с.

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА. СТОЛЕТИЕ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

V научно-практическая конференция
Скоки, 15 декабря 2017 г.

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск: **Лишик В.В.**

Редактор: **Боровикова Е.А.**

Компьютерная вёрстка: **Романюк И.Н.**

Корректор: **Никитчик Е.В.**

ISBN 978-985-493-442-6

9 789854 934426

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.

Подписано к печати 03.12.2018 г.

Формат 60×84 1/8.

Бумага «Performer». Гарнитура «Arial».

Усл. п. л. 8,0. Уч.-изд. л. 7,44

Тираж 50 экз. Заказ № 1413.

Отпечатано на ризографе Учреждения образования «Брестский государственный технический университет» 224017, Брест, ул. Московская, 267.

Репозиторий БРГТУ

Репозиторий БРГТУ